PG
3337
.N7K9

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

КУЛАКЪ.

Kulak

КУЛАКЪ

ПОЭМА

Nikitin, Ivan Savvich

И. НИКИТИНА.

МОСКВА.
Въ Типографіи Каткова и К°.
1858.

PG 3337
.N7 K9

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 25 августа 1857 г.

Цензоръ *П. Фонъ-Крузе.*

Все благо и прекрасно на землѣ,
Когда живетъ въ своемъ опредѣленьи;
Добро вездѣ, добро найдешь и въ злѣ.
Когда жъ предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,
По сущности добро, онъ станетъ — зломъ.
Такъ человѣкъ: что добродѣтель въ немъ,
То можетъ быть порокомъ.

Шекспиръ. (Ромео и Юлія).

I.

День гаснетъ. Облаковъ громада
Покрыта краской золотой;
Отъ луга влажною струей
Плыветъ душистая прохлада,
Надъ алымъ озеромъ тростникъ
Сквозной оградою поникъ.
Порой куда-то пронесется
Со свистомъ стая куликовъ
И снова тишь. Въ тѣни кустовъ
Рыбачій челнъ не покачнется.
Вдоль гати тянется обозъ;
Скрипятъ колеса. За волами

Шагаютъ чумаки съ кнутами;
Кипитъ народомъ перевозъ:
Паромъ отчалили лѣниво,
Ушами лошади пугливо
Прядутъ; рабочіе кричатъ,
И плещетъ по водѣ канатъ.
Шлагбаумъ, съ образомъ часовня,
Избушки, бани, колокольня
Съ крестомъ и галкой на крестѣ,
И на прибрежной высотѣ
Плетни, поникнувшія ивы —
Все опрокинуто въ рѣкѣ.
Бѣлѣютъ мойки вдалекѣ,
Луками выгнулись заливы:
А тамъ — кусты, деревня, нивы,
Да чуть примѣтный, сквозь туманъ,
Средь поля чистаго курганъ.

Тому давно, въ глуши суровой,
Шумѣлъ тутъ грозно лѣсъ дубовой,
Съ пустыннымъ вѣтромъ рѣчи велъ,
И плавалъ въ облакахъ орелъ;
Синѣла степь безгранной далью,
И притаясь за валъ съ пищалью,
Зажечь готовый свой маякъ,
Татаръ выглядывалъ казакъ.
Но вдругъ все жизнью закипѣло,
Въ лѣсу желѣзо зазвенѣло —
И падалъ дубъ; онъ отжилъ вѣкъ...
И, вмѣсто звѣря, человѣкъ
Въ пустынѣ воцарился смѣло.

Проснулись воды, и росли,
Гроза Азова, корабли.
Тѣ дни прошли. Уединенно
Теперь, подъ кровлей обновленной,
Стоитъ на островѣ нагомъ
Безмолвный прадѣдовскій домъ,
Цейхгаузъ старый. Тихи воды.
Гдѣ былъ Петра пріютъ простой,
Купецъ усердною рукой
Одинъ почтилъ былые годы —
Часовню выстроилъ, и въ ней
Затеплилъ набожно елей.
Но городъ выросъ. Въ изголовье
Онъ положилъ полей приволье,
Плечами горы придавилъ,
Болота камнями покрылъ.
Одно пятно: въ семьѣ громадной
Высоко-поднятыхъ домовъ,
Какъ нищіе въ толпѣ нарядной,
Торчатъ избенки бѣдняковъ;
Въ дирявыхъ шапкахъ, съ костылями,
Онѣ ползутъ по крутизнамъ
И смотрятъ тусклыми очами
На богачей по сторонамъ;
Того и жди, — гроза подуетъ
И полетятъ онѣ въ оврагъ...
Таковъ домишко, гдѣ горюетъ
Съ женой и дочерью кулакъ:
На крышѣ старыя заплаты,
Пріютъ крикливыхъ воробьевъ,
Карнизъ обрушиться готовъ;

Стѣна крива; заборъ досчатый
Подпертъ осиновымъ коломъ;
Дворъ тѣсный смотритъ пустыремъ;
Ростетъ трава вокругъ крылечка;
Но садъ... Въ садъ послѣ завернемъ;
Теперь мы въ горенку войдемъ.
Она свѣтла. Икона, печка,
Съ посудой шкапъ, сосновый столъ,
Скамейка, красный стулъ безъ спинки,
Комодъ пузатый подъ замкомъ —
Все старина, за то соринки
Тутъ не замѣтишь ни на чемъ.

II.

Хозяйка добрая, здорово!
Ты вѣчно съ варяжкой въ рукѣ,
И въ этомъ бѣломъ колпакѣ,
И все молчишь! Порою слово
Промолвишь съ дочерью родной,
И вновь разбитый голосъ твой
Умолкнетъ. Бѣдная Арина!
Повысушили до поры
Нужда, да тяжкая кручина
Тебя, какъ травушку жары;
Поникла голова, что колосъ,
И посѣдѣлъ твой русый волосъ,
Одна незлобная душа,
Осталась въ горѣ хороша.

И ты, красавица, съ работой
Сидишь въ раздумьи подъ окномъ;
Одной привычною заботой
Всю жизнь вы заняты вдвоемъ...

Глядишь на улицу тоскливо,
Румянецъ на лицѣ поблекъ,
И спицы движутся лѣниво,
Лѣниво вяжется чулокъ.
О чемъ тоска? откуда скука?
Коса, что черная смола,
Какъ бѣлый воскъ рука бѣла...
Душа болитъ? неволя мука?..
Что дѣлать! подожди, пока
Прогонитъ вѣтеръ облака.

«Охъ, Саша! полно сокрушаться!
Вотъ ты закашляешь опять...
Промолвила старушка-мать:
Ну, въ садъ пошла бы прогуляться,
Вишь вечеръ чудо!»
— Все равно!
И тутъ не дурно: вотъ въ окно
Свѣтъ Божій виденъ — и довольно!

«Глядѣть-то на тебя мнѣ больно!
Блѣдна, вотъ точно полотно...»
И мать качала головою
И съ Саши не сводила глазъ.
«Поди-ты! сокрушаетъ насъ,
Старикъ! надъ дочерью родною
Смѣется... Чѣмъ бы не женихъ
Столяръ-сосѣдъ? Уменъ и тихъ.
Три раза сваха приходила,
Ужь какъ вѣдь старика просила!
Одинъ отвѣтъ: на дняхъ приди...

Подумать надо... погоди...
Ты вотъ что, Саша, попытайся
Съ отцомъ сама поговори,
Чуть будетъ веселъ.»
— Дожидайся!
Я думаю, въ ногахъ умри, —
Откажетъ...
Мать не отвѣчала,
Поникнувъ грустно головой.
— Чуть будетъ веселъ... Боже мой!
За что же я-то потеряла
Веселье? Вѣдь къ чужимъ прійдешь,
Тамъ свѣтъ иной, тамъ отдохнешь;
А при отцѣ языкъ и руки —
Все связано! когда со скуки
Въ окно глядишь, и тутъ запретъ!
Ужь и глазамъ-то воли нѣтъ.

«Все осуждать его не надо.
Извѣстно — старъ, кругомъ нужда,
На рынкѣ хлопоты всегда,
Вотъ и беретъ его досада.
Онъ ничего... вѣдь онъ не золъ:
На часъ вспылитъ, и гнѣвъ прошелъ.»
— Я такъ... я развѣ осуждаю?
И день — печаль, и ночь — тоска,
Тутъ по-неволѣ съ языка
Сорвется слово. —
«Знаю, знаю!
Какъ быть; живи какъ Богъ велѣлъ...
Знать положенъ таковъ предѣлъ.»

Заря погасла. Мѣсяцъ всходитъ,
На стекла блѣдный свѣтъ наводитъ;
За лѣсъ свалились облака;
Въ туманѣ городъ и рѣка;
Не шевельнетъ листомъ осина;
Лишь гдѣ-то колесо гремитъ,
Да соловей въ саду свиститъ.
Молчитъ и Саша и Арина,
Ихъ спицы бѣдныя однѣ
Не умолкаютъ въ тишинѣ.

Какъ хорошо лицо больное
Старушки сгорбленной! оно,
Какъ изваяніе живое
Все мѣсяцемъ освѣщено.
Въ рукахъ на мигъ уснули спицы,
Глаза на дочь устремлены,
И неподвижныя рѣсницы
Слезой докучной смочены.
Сверкаетъ небо огоньками,
Не видно тучки въ синевѣ,
А у старушки облачками
Проходятъ думы въ головѣ:
Безъ дѣтокъ грусть, съ дѣтьми нерадость!
Сынокъ въ землѣ давно лежитъ,
Осталась дочь одна подъ старость —
И эту горе изсушитъ.
Ну что̀ ей дѣлать, если свахѣ
Старикъ откажетъ? какъ тутъ быть?
Я, чаю, легче бы на плахѣ
Бѣдняжкѣ голову сложить!

И безъ того ужь ей несладко:
Работа, скука, нищета...
Всю жизнь свою, моя касатка,
Что въ клѣткѣ птица заперта.
Когда и выйдти доведется,
Домой придетъ — печальнѣй домъ...
Глядишь, на грѣхъ старикъ напьется,
О-охъ, бѣда мнѣ съ старикомъ!
Ну таль она была сызмала?
Бывало, пѣла и плясала,
На мѣстѣ часу не сидитъ,
Вотъ словно колокольчикъ звонкій,
Веселый смѣхъ и голосъ тонкій
Въ саду иль въ горенкѣ звенитъ!
Бывало, чуть съ постельки встанетъ,
Посмотришь — куколки достанетъ,
Толкуетъ съ ними: «Ты вотъ такъ
Сиди, ты глупая дѣвчонка...
Вотъ и братишко твой дуракъ,
Вамъ надо няню...» И ручонкой
Начнетъ ихъ эдакъ тормошить...
Возьметъ-подастъ имъ на бумажкахъ
Водицы въ желудевыхъ чашкахъ.
«Ну, вотъ молъ чай, извольте пить!»
— Уймися, говорю, вострушка.
Отецъ прикрикнетъ: — посѣку!
Бѣдняжка сядетъ въ уголку,
Наморщитъ лобикъ, какъ старушка,
И хмурится. Отецъ съ двора —
Опять потѣшная игра.

И мать работу положила,
Печной заслонъ въ потьмахъ открыла,
Достала щепкой уголекъ
И стала дуть. Вдругъ огонекъ
Блеснулъ — и снова замираетъ.
Вотъ щепка вспыхнула едва, —
Изъ мрака смутно выступаетъ
Старушки блѣдной голова.

III.

Ужь столъ накрыть, и скудный ужинъ
Готовъ. Покой старушкѣ нуженъ,
Заснуть бы время — мужа ждетъ;
Скрыпитъ крылечко — онъ идетъ.
Сертукъ до пятъ, въ плечахъ просторенъ,
Картузъ въ пыли, ни рыжъ, ни черенъ,
Спокоенъ строгій, хитрый взглядъ,
Густыя брови внизъ висятъ,
Угрюмо супясь. Лобъ широкой
Изрытъ морщинами глубоко,
И теменъ волосъ, но сѣда
Подстриженная борода.

«Усталъ, Лукичъ? жена спросила:
Легко ль, чуть свѣтъ ушелъ съ двора!
Садись-ко ужинать: пора!»
— Не каплетъ сверху... заспѣшила!
Отвѣтилъ мужъ: успѣешь, другъ!
И снявъ поношенный сертукъ,

На гвоздь повѣсилъ осторожно,
Рубашки вòротъ распустилъ,
Лицо и руки освѣжилъ
Водою. — Ну, теперь вотъ можно
За щи приняться.
«Вишь, родной!
Старушка молвила: не спится!
Всю ноченьку провеселится,
Поди, какъ свищетъ!»
— Кто такой?
Отвѣтилъ мужъ скороговоркой,
Ломая хлѣбъ съ сухою коркой.
«Соловьюшекъ у насъ въ саду.»
— Сытъ, стало. Коли бъ зналъ нужду,
Не пѣлъ бы. Мнѣ вотъ не поется,
Какъ хлѣбъ-атъ пòтомъ достается...
Ты, Саша, ужинала что ль?
«Мы ждали васъ.»
— Подай мнѣ соль.
Дочь подала.
— За ужинъ сѣла,
Такъ ѣшь! ты что не весела?
«Я ничего.»
— Гм... дурь нашла!
Такъ! такъ!
Старушка поглядѣла
На Сашу. Саша поняла
И ложку нехотя взяла.
— Охъ, эта дѣвичья кручина!
Отецъ, нахмурясь, продолжалъ.
И мокрой ложкой постучалъ

Объ столъ: — все блажь! Подбавь, Арина,
Мнѣ каши!.. да! все блажь одна!
Я знаю, отъ чего она,
Смотри!
«Опять не угодила!
За смѣхъ — упрекъ, за грусть — упрекъ...
Ну, грустно, — что жь тутъ за порокъ?
Что за бѣда?»
— Заговорила!
Языкъ прикусишь! берегись!
Вишь ты! И жилы напряглись
На лбу отца. Гроза сбиралась.
Но Саша знала старика,
Словамъ дать волю удержалась —
И пронеслися облака
Безъ грома.
Чашка опустѣла.
Лукичъ усы свои утеръ
И, помолившись, кинулъ взоръ
На Сашинъ хлѣбъ. «Ломтя не съѣла...
Сердита, значитъ... Прибирай!
Есть квасъ-то на ночь?»
— Есть немного.
«Ну, принеси. Сейчасъ ступай!»
— Куда жь идти? Теперь порога
Не сыщешь въ погребѣ: не день...
«Ну, ну! пошевельнуться лѣнь!»

Дочь вышла. На лицѣ Арины
Слегка разгладились морщины.
Старикъ, молъ, трезвъ... Иль онъ любви

Не знаетъ къ дѣтищу родному?
Скажу про Сашу... не чужому...
Что жь! Господи благослови!
И подлѣ мужа робко сѣла.
«Лукичъ!»
— Ну, что тамъ?
«Я хотѣла
Того... съ тобой поговорить...
Не станешь ты меня бранить?»
— За что?
«Начать-то я не смѣю.»
— Ну, ладно, ладно! говори.
«Вишь, мы вотъ стары, я болѣю,
Совсѣмъ свалюсь, того смотри,
Обрадуй ты меня подъ старость —
Отдай ты дочь за столяра!»
— Обрадуй... что же тутъ за радость?
Вотъ ты, къ примѣру, и стара,
А дура!.. стало есть причина,
Зачѣмъ я медлю... Эхъ, Арина!
Пора бы, кажется, умнѣть!
«Какъ мнѣ на Сашу-то глядѣть?
Она часъ отъ часу худѣетъ,
Вѣдь я ей мать!»
— Повеселѣетъ!
Ты знаешь, дѣвичья слеза,
Что утромъ на травѣ роса,
Пригрѣетъ солнце — и пропала.
«Пусть я отрады не видала,
Хоть ей-то, дочери, добра

Ты пожелай!»
— Въ постель пора!
Оставь, пока не разсердился!

Старушка въ спальню побрела.
Тамъ передъ образомъ свѣтился
Огонь. Въ углу кровать была,
Безъ полога. Подушекъ тѣни
Какъ будто спали на стѣнѣ.
Арина стала на колѣни,
И долго, въ чуткой тишинѣ,
Передъ иконою святою
Слеза катилась за слезою.

Межъ тѣмъ Лукичъ окно открылъ
И трубку медленно курилъ;
Сквозь дымъ, глаза его безъ цѣли
На кудри яблоней глядѣли.
«Ну, завтра ярмарка. Авось
На хлѣбъ добуду. Плохо стало!
Ходьбы и хлопотни не мало,
А прибыли отъ нихъ — хоть брось!
Другимъ, къ примѣру, удается:
Казна валится, точно кладъ;
Ты, право, грошу былъ бы радъ,
Такъ нѣтъ! Гдѣ тонко, тутъ и рвется.
Порой что̀ въ домъ и попадетъ,
Нужда метлою подмететъ.
Вотъ дочь невѣста... все забота!

И сватаютъ, да нѣтъ разсчета: —
Сосѣдъ нашъ честенъ, всѣмъ хорошъ,
Да голь большая — вотъ причина!
Что честь-то? коли нѣтъ алтына,
Далеко съ нею не уйдешь.
Безъ денегъ честь — плохая доля!
Согнешься нехотя кольцомъ
Передъ зажиточнымъ плутомъ:
Нужда — тяжелая неволя!
Мнѣ дочь и жаль! я человѣкъ,
Отецъ къ примѣру... да не вѣкъ
Мнѣ мыкать горе. Я не молодъ.
Лукичъ — кулакъ! кричитъ весь городъ.
Кулакъ... Душа-то не сосѣдъ,
Сплутуешь, коли хлѣба нѣтъ.
Будь зять богатый, будь помога,
Не выйди я изъ-за порога,
На мѣстѣ дай Богъ мнѣ пропасть,
Коли подумаю украсть!
А есть женихъ, навѣрно знаю...
Богатъ, не долженъ никому,
И Саша нравится ему.
Давно я сваху поджидаю.»

Такъ думалъ онъ. А вѣтерокъ
Его волосъ едва касался,
И въ трубкѣ красный огонекъ
Подъ сѣрымъ пепломъ раздувался.
Порой катилася звѣзда,
По небу искры разсыпала

И гасла. Ночь благоухала,
И бѣлыхъ облаковъ гряда
Плыла на сѣверъ. Жадно пили
Росу поникшіе листы
И звуки смутные ловили.
При свѣтѣ мѣсяца, кусты,
Бросая трепетныя тѣни,
Казалось, въ царство сновидѣній
Перенеслись. Межь ихъ вѣтвей
Въ потемкахъ щелкалъ соловей.

Быть-можетъ, съ дѣтства взятый въ руки
Разумной матерью, отцомъ,
Лукичъ избѣгъ бы жалкой муки —
Какъ нынѣ, не былъ кулакомъ.
Великъ, кто взросъ среди порока,
Невѣжества и нищеты,
И остается безъ упрека
Жрецомъ добра и правоты;
Кто видитъ горе, знаетъ голодъ,
Усталый, чахнетъ за трудомъ,
И, крѣпкой волей вѣчно-молодъ,
Всегда идетъ прямымъ путемъ!
Но пусть, какъ мученикъ, сквозь пламень
Прошелъ ты, полный чистоты,
Остановись, поднявши камень
На жертву зла и нищеты!
Корою грубою закрытый,
Быть-можетъ, въ грязной нищетѣ
Добра зародышъ неразвитый

Горитъ какъ свѣчка въ темнотѣ!
Быть-можетъ, жертвѣ заблужденья
Доступны рѣдкія мгновенья,
Когда казнитъ она свой вѣкъ
И плачетъ, сердце надрывая,
Какъ плакалъ передъ дверью рая
Впервые падшій человѣкъ!

IV.

Еще ребенкомъ, нестѣсненный
Въ привычкахъ жизни обыденной,
Лукичъ бездѣлье полюбилъ.
Своимъ Карпушкой занятъ былъ
Торгашъ, отецъ его, немного,
Хоть и твердилъ сынишкѣ строго:
«А вотъ, Господь дастъ, доживемъ,
Мы поглядимъ, какимъ добромъ
Воздашь отцу за попеченье.
Тутъ можно человѣкомъ быть:
Сызмала началось ученье —
Псалтирь и все... тутъ можно жить!
Я и читать вотъ не учился
Да вышелъ въ люди: сытъ, обутъ...»
И подъ хмѣлькомъ всегда бранился:
«Ты, дескать, баловень! ты плутъ!»
И сына за вихòръ поймаетъ,
Такъ, ни за чтò... «Ну вотъ молъ знай!»
Деретъ, деретъ, — до слезъ таскаетъ,

И молвитъ: «Ну, ступай, играй!»
А мать свое хозяйство знала,
Въ печи дрова со счетомъ жгла,
Горшки, да чашки берегла,
И ей заботы было мало,
Когда зимой, по цѣлымъ днямъ,
Забросивъ книжку и указку,
Сынокъ катался по горамъ.
Раздолье!.. легкія салазки
Со скрипомъ по снѣгу летятъ,
На нихъ бубенчики звенятъ.
«Какъ смѣлъ ты утромъ не являться?»
Ему учитель говорилъ.
— У насъ молебенъ въ домѣ былъ,
Мнѣ батюшка велѣлъ остаться.
«Ты до обѣда гдѣ ходилъ?
Кричалъ отецъ: часъ цѣлый ждали.»
— Учитель не пускалъ домой,
Зады сидѣли повторяли...
Бывало, лѣтнею порой
Тайкомъ залѣзетъ въ садъ чужой,
Румяныхъ яблокъ наворуетъ,
Тащитъ ихъ къ матери. «Гдѣ взялъ?»
— А это мнѣ Сенютка далъ,
Вотъ ѣшь! И мать его цѣлуетъ;
Поди, молъ, родила сынка,
Не съѣстъ безъ матери куска!
Порой грачей въ гнѣздѣ поймаетъ,
«Эй, Сенька! у меня грачи!
Давай мѣнять на калачи!»
— Не надо! Сенька отвѣчаетъ.

«Ну и не надо... вотъ имъ! вотъ!»
И головы грачамъ свернетъ,
Парнишку больно оттаскаетъ
И прибѣжитъ домой, реветъ.
«О чемъ ты?» мать въ испугѣ спроситъ.
— Да вонъ Сенютка, сынъ голоситъ: —
Моихъ грачей закинулъ въ ровъ
И надавалъ мнѣ тумаковъ.

Карпушка на ноги поднялся
И все безъ дѣла оставался,
Покамѣсть вздумалось отцу
Въ науку мудрую къ купцу
Его отдать. Тутъ всѣ разсчеты —
Торговыхъ плутней извороты
Онъ изучилъ, и кошелекъ
Казной хозяйскою, какъ могъ,
Наполнилъ. Годы шли. Скончался
Его отецъ; угасла мать.
Невѣсту долго ли сыскать?
И сынъ женился. Распрощался
Съ купцомъ; заторговалъ мукой;
И какъ по маслу годъ-другой
Все шло. Но вдругъ за пень задѣло:
Тутъ неудача, тамъ сплошалъ...
Спустилъ, какъ воду, капиталъ
И запилъ: горе одолѣло!
Искать мѣстечка — стыдъ большой;
Искать рѣшился — отказали.
А ремеслу не обучали;
Подумалъ — и махнулъ рукой:

«Тьфу, чортъ возьми! да что за горе!
Пойду на рынокъ поутру,
Такъ вотъ и деньги! Рынокъ — море,
Тамъ рыба есть, умѣй ловить,
Достанетъ какъ-нибудь прожить!»
И съ той поры лѣтъ тридцать сряду
Онъ всякой дрянью промышлялъ,
И Лукича весь городъ зналъ
По разнымъ плутнямъ, по наряду,
По вѣчной худобѣ сапогъ
И по загару смуглыхъ щёкъ.

V.

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта.
Народомъ площадь вся покрыта.
На море пестрое головъ
Громада бѣлая домовъ
Глядитъ стеклянными очами;
Недвижная, затоплена
Вся солнца золотомъ она.
Людъ Божій движется волнами...
И кички съ острыми углами,
Подолы красные рубахъ,
На черныхъ шляпахъ позументы,
И вѣтромъ въ дѣвичьихъ косахъ
Едва колеблемыя ленты —
Вся деревенская краса
Вотъ такъ и мечется въ глаза!
Изъ лавокъ, хитрая приманка,
Высматриваютъ кушаки,
И разноцвѣтные платки
И разноцвѣтная серпянка.

Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ;
Тамъ — лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты,
Колёса... «Гдѣ! какая дрянь?
Ты вотъ на ступицу-то глянь!»
Торгашъ плечистый повторяетъ
И бойко колесомъ вертитъ.
А парень крендель доѣдаетъ,
— Сложи полтину, говоритъ,
Возьму и дегтю, вотъ мазницы...
Нѣтъ, врешь! отдай за рукавицы!
Ты гаманокъ-то свой не прячь!
Кричитъ налѣво бородачь.
Здѣсь давка: спорятъ съ мужиками
За клячу пѣгую купцы,
И *Лазаря* поютъ слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами
Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ.
Набитъ биткомъ толпой гулякъ
Пріютъ разгула и кручины,
Подъ кровлею изъ парусины.
«Охъ, православные! я пьянъ!»
Въ бумажномъ колпакѣ и въ блесткахъ,
Кривляясь съ бубномъ на подмосткахъ,
Народъ дурачитъ шарлатанъ
И корчитъ рожу... «Какъ обманъ!»
Повертывая головою,
Цыганъ проносится съ божбою:
«Коню не двадцать лѣтъ, а пять.
Жены, дѣтей мнѣ не видать!»

Веселый говоръ, крикъ торговли,
Пискъ дудокъ, пѣсни мужичковъ
И ранній звонъ колоколовъ —
Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
Приподнялись поверхъ возовъ,
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

Лукичъ на ярмаркѣ съ разсвѣта,
Успѣлъ ужь выпить, закусить,
Купить два старыхъ пистолета
И съ барышомъ кому-то сбыть.
Теперь онъ съ бабою хлопочетъ,
Руками уперся въ бока,
Лицо горитъ, чуть не соскочитъ
Картузъ съ затылка, — рѣчь бойка.
«Ты вотъ что, умная молодка,
По сторонамъ-то не смотри,
Твой холстъ, къ примѣру, не находка...
По чемъ аршинъ-то? говори.»
— По гривнѣ, я тебѣ сказала;
Вонъ и другіе такъ берутъ.
«Не ври! куда ты указала!
Тамъ по три гроша отдаютъ!»
— И, що-ты! аль я одурѣла!
Поди-ко цѣну объявилъ!
Купецъ четыре мнѣ сулилъ,
Да я отдать не захотѣла...
Вонъ онъ стоитъ.
«Ха, ха! ну такъ!
Отдай! и ты не догадалась!
Эхъ, дура! съ кулакомъ связалась!

Вѣдь онъ обмѣряетъ! кулакъ!
А я на совѣсть покупаю...
Эй, голова! почемъ пенька?»
Остановивши мужика,
Онъ закричалъ.
— Спасибо! знаю!...
«Должно нашъ братъ училъ тебя!»
Лукичъ подумалъ про себя.
И снова съ бабою заспорилъ,
Голубушкою называлъ,
Разъ десять къ чорту посылалъ,
И напослѣдокъ урезонилъ.
Изъ-подъ полы аршинъ досталъ,
Разъ!.. разъ!.. и смѣрена холстина.
«Гляди вотъ: двадцать три аршина».
— Охъ-ма! тутъ двадцать семь какъ-разъ!
«Что, у тебя иль нѣту глазъ?
Аршинъ казенный, понимаешь!
Вотъ нà!.. не видишь два клейма!»
— Да какъ же такъ?
«Не довѣряешь?»
— Я дома мѣрила сама.
«Тьфу! провались ты! я съумѣю
Безъ краденой холстины жить!
Глаза что ль ею мнѣ накрыть?
Такъ я, къ примѣру, крестъ имѣю!»
И кошелекъ онъ развязалъ,
На гривну бабу обсчиталъ
И торопливо отвернулся:
Прощай, молъ! вѣрно!.. недосугъ!
Пошелъ было въ толпу — и вдругъ

Съ помѣщикомъ въ очкахъ столкнулся.
«Мое почтенье, Климъ Кузьмичъ!
Не купите ли, сударь, бричку?
Отличный сортъ!»
— Ба, ба! Лукичъ!
Ты не забылъ свою привычку —
Прислуживаешь, братецъ, всѣмъ?
«Что дѣлать! сами посудите,
Я тоже хлѣбъ, къ примѣру, ѣмъ...
А бричка дешева-съ! купите!»
— Нѣтъ, я на бричку не купецъ.
Не попадется ль жеребецъ?
Вотъ не найду никакъ, мученье!
А нуженъ къ пристяжнымъ подъ шерсть —
Караковый.
«Есть, сударь, есть!
Рысакъ! А бѣгъ — мое почтенье!»
И онъ прищелкнулъ языкомъ:
Да-съ одолжу, молъ рысакомъ!
— Ты плутъ естественный, я знаю;
Смотри, Лукичъ! не обмани!
«Ну вотъ-съ, помилуйте! ни-ни!
Я васъ съ другими не сравняю.
Тутъ... Вамъ Скобѣевъ незнакомъ?»
— Нисколько.
«Онъ, сударь, кругомъ
Въ долгахъ: весь въ карты проигрался,
Теперь рысакъ одинъ остался...
Ну, конь! Глазами, ваша честь,
Вотъ такъ, къ примѣру, хочетъ съѣсть!
Чортъ знаетъ! просто заглядѣнье!»

— Да правда ль?
«Не далеко домъ,
Коли угодно, завернемъ,
Посмотримъ.»
— Сдѣлай одолженье!
А помнишь ли, купилъ ты мнѣ
Собаку какъ-то по веснѣ? —
«Плохенька развѣ?»
— Околѣла!
Не взялъ бы чортъ знаетъ чего!
«Охотиться не захотѣла...
Поможемъ, сударь, ничего!
Ахъ! тутъ вотъ есть у офицера
Собака... кличку-то забылъ,
Вчера деньщикъ и говорилъ...
Ну и животное, къ примѣру:
Брось въ воду гривенникъ — найдетъ!
Вотъ вамъ купить бы.»
— Радъ душою!
Но для чего жь онъ продаетъ? —
«Что дѣлать станете съ нуждою!
Наслѣдство дядя обѣщалъ,
А при смерти не завѣщалъ,
Ѣсть нечего... семья большая...»
— А! вотъ что! баринъ отвѣчалъ,
И гибкой тросточкой играя,
Поглядывалъ по сторонамъ
И напѣвалъ: тири-та-рамъ...

VI.

«Вотъ-съ двухъ-этажный, съ мезониномъ...
Лукичъ помѣщику сказалъ,
И домъ Скобѣева, аршиномъ
Махнувъ направо, показалъ.
«Эй, кучеръ! соня!»
Кучеръ плотный,
Безсмысленно разинувъ ротъ,
Дремалъ на камнѣ у воротъ.
«Иль ночь-то не спалъ, беззаботный?»
Лукичъ у кучера спросилъ.
Тотъ вздрогнулъ и глаза открылъ,
Досталъ тавлинку изъ кармана
И сильно въ ноздри потянулъ.
«Гдѣ баринъ?»
— Ась? А...чхи! Татьяна
Мнѣ говорила... чхи!.. пьетъ чай.
«Потише ротъ-то разѣвай!
Вишь зачихалъ. Эхъ ты, пріятель!

На рысака вотъ покупатель...»
— Ну что же, стало показать?
«Вѣдь не заочно покупать.»
— А баринъ?
«Выводи, онъ знаетъ.»
И кучеръ скрылся. «Климъ Кузьмичъ!
Сказалъ въ полголоса Лукичъ:
Снаровка дѣлу не мѣшаетъ —
Ему на водку надо дать...»
— Ну, дураку-то!
«Какъ узнать!
Бываетъ и дуракъ годится.
Онъ, рыжій чортъ, не постыдится
И господину понавретъ,
Что нашъ-де конь намъ не подходитъ
И кормъ-де въ прокъ ему нейдетъ,
Ей-Богу-съ! Этотъ хамскій родъ
Господъ частенько за носъ водитъ!»
Помѣщикъ смѣхомъ отвѣчалъ
И два четвертака досталъ.
Лукичъ въ конюшню торопливо
Вошелъ и молвилъ: «живо! живо!»
Въ карманъ свой деньги опустилъ
И кнутъ у кучера спросилъ.
— Вонъ на стѣнѣ... не тутъ... правѣе.
Статья-то, слышь, не подойдетъ:
Вѣдь конь съ запаломъ — зареветъ.
«Ты не крути, держи умнѣе.
А ну-ка, дорогой рысакъ,
Подставь бока... Вотъ такъ! Вотъ такъ!
Прр! Прр!.. на дворъ его скорѣе!..

И бѣдный конь черезъ порогъ
Вдругъ сдѣлалъ бѣшеный скачёкъ,
Глазами дико покосился
И началъ землю рыть ногой.
Лукичъ, смѣясь, посторонился,
Вишь, дескать, бойкой сталъ какой.
Помѣщикъ подошелъ. Рукою
Коня по шеѣ потрепалъ
И съ лоскомъ гривою густою
Полюбовался. Холку взялъ
Поправилъ на бокъ. Осторожно
Ощупалъ ноги, мышки, грудь,
И молвилъ: «надобно взглянуть
На зубы.» — Оченно возможно,
Кудрявый кучеръ отвѣчалъ,
И зубы рысаку разжалъ.
«Э! конь-то молодой! три года...
Лишь сталъ окраины ронять...
А ну, нельзя ли пробѣжать?
Стой! стой! Да, не дурна порода!»
— А бѣгъ-то, бѣгъ-то, Климъ Кузьмичъ!
А шея! говорилъ Лукичъ:
Позвольте-съ, вотъ и самъ хозяинъ.

Хозяинъ былъ румяный баринъ,
Съ усами, съ трубкою въ рукѣ,
Въ фуражкѣ, въ черномъ сертукѣ,
Со знакомъ службы безпорочной,
Обритъ отлично, сложенъ прочно,
Взглядъ строгъ, навыкатѣ глаза
И подъ гребенку волоса.

«Скобѣевъ, сударь. Честь имѣю...
А вы-съ? коли спросить я смѣю...»
Онъ покупателю сказалъ.
— Долбинъ, помѣщикъ. Я узналъ,
Что рысака вы продаете...
«Такъ точно.»
— Дорого ль возмете?
«Позвольте въ домъ васъ попросить.»
— Зачѣмъ же? можно тутъ рѣшить.
«Четыреста. Коню три года.»
— Я видѣлъ. А чьего завода?
«Орловой.»
— Дорого-съ. Не дамъ.
А вотъ за триста по рукамъ.
«Я не торгашъ, предупреждаю.
Три съ половиною даютъ,
Придти хотѣли — и придутъ.»
Все вретъ! Лукичъ подумалъ: знаю...
И молвилъ: «я и приводилъ.»
— Ну, ну! Скобѣевъ перебилъ.
«Я не обидѣлъ васъ словами;
Что жь! наше дѣло сторона.
Недорогая, молъ, цѣна,
Я вотъ что...» и старикъ руками
Развелъ.
Хозяинъ былъ упрямъ,
И плохо подвигалась сдѣлка.
«Ударьте, сударь, по рукамъ!
Лукичъ, какъ бѣсъ, шепталъ украдкой
Помѣщику: — вѣдь дѣло гадко!

Скобѣевъ спятится вотъ-вотъ...
Кончайте! сотня не разсчетъ!»

Долбинъ стоялъ въ недоумѣньи,
Поглядывалъ на рысака,
Картина-конь! на старика, —
Тотъ весь дрожалъ отъ нетерпѣнья:
Усами шевелилъ, мигалъ,
Къ карману руку прикладалъ...
Не прозѣвай молъ! что ты смотришь?
Покаешься, да не воротишь,
Мнѣ что̀! я не желаю зла...
И сдѣлка кончена была.

Кому не святъ обычай русской!
И вотъ за водкой и закуской
Скобѣевъ и Долбинъ сидятъ.
Червонцы на столѣ звенятъ;
Лицо хозяина сіяетъ;
Онъ залпомъ рюмку выпиваетъ,
Остатки въ потолокъ — вотъ такъ!
Дескать, попрыгивай, рысакъ.
Долбинъ поморщился немного,
Но тоже выпилъ. У порога
Лукичъ почтительно стоялъ
И очереди ожидалъ;
Хватилъ и молвилъ: «захромаю
Съ одной-съ...»
Скобѣевъ не слыхалъ;
Бесѣду съ гостемъ продолжалъ:
«Такъ вотъ что, Климъ Кузьмичъ! я знаю

Имѣнье ваше... проѣзжалъ...
Земли довольно.»
— Рукъ немного!
Душъ тридцать. Впрочемъ не бѣда:
На мѣсячинѣ всѣ.
«Ахъ, да!
Мысль не дурна.»
— Но надо строго
Слѣдить. Внимательность нужна.
«Лѣнятся?»
— Ужасъ! Раззоряютъ!
Заставишь сѣять, сѣмена
За голенища засыпаютъ,
Порою въ землю зарываютъ!
«Неужто?»
— Просто, нѣтъ души!
Хоть колъ на головѣ теши,
Не убѣдишь!... Я разъ гуляю,
Гляжу — нырнулъ мальчишка въ рожь.
Э! погоди молъ! не уйдешь!
И что же, сударь, открываю?
«Ну-съ?»
— Онъ колосья воровалъ!
Шапченку вéрхомъ ихъ набралъ!
На что молъ? хлопаетъ глазами,
Да хнычетъ.
«Этакой развратъ!
Ужасно! и отцы молчатъ?»
— Нашли тутъ! научаютъ сами...
Не наѣдятся, чортъ возьми!
Что хочешь, какъ ихъ не корми!

«Вотъ саранча!»
— Да-съ! наказанье!
Вы какъ? на службѣ?
«Да... служилъ.
Въ коммиссіи подъ лямкой былъ.»
— Такъ... Вышли?
«Родилось желанье
Окончить, знаете, свой вѣкъ
Покойно: грѣшный человѣкъ,
Усталъ трудиться.»
«Охъ, Создатель!
Лукичъ подумалъ: вотъ и вѣрь!
Не скажетъ вѣдь, за что теперь
Онъ подъ судомъ... хорошъ пріятель!
Давно ль деревню-то купилъ?
А говоритъ — подъ лямкой былъ.

Помѣщикъ всталъ и распростился.
Онъ къ воротамъ, Лукичъ во слѣдъ.
«За трудъ, сударь,» и побожился:
Коню-то вѣдь цѣны молъ нѣтъ.
— Вотъ два цѣлковыхъ.
«Что вы-съ! мало!
Какъ можно! это курамъ смѣхъ!
Гм, время, значитъ, такъ пропало...»
— Ну сколько же?
«Да пять не грѣхъ.»
Долбинъ заспорилъ.
«Воля ваша,
Хоть не давайте ничего!

Мы, стало, служимъ изъ того...
А все, къ примѣру, глупость наша:
Добра желаешь.»
— Эхъ, какой! .
Одинъ прибавлю. Да! постой!
На счетъ собаки...
«Что жь, извольте!
Оно вы скупы, да пойдемте:
Я не сердитъ, служить готовъ.»
— Теперь я занятъ.
«Мы съ двухъ словъ!..»
— Нѣтъ, нѣтъ! дозавтра. Срокъ не дологъ.
«Упустимъ: часъ въ торговлѣ дорогъ!»
— Пустое! Кучеръ! эй! за мной!
Веди коня!
«Ну, Богъ съ тобой!
Лукичъ подумалъ: заскупился.
Вотъ покупатель-то явился!
Вѣдь съ виду смотритъ молодцомъ:
Очками, тростью щеголяетъ
И на спинѣ колпакъ съ махромъ,
Чортъ знаетъ для чего, таскаетъ;
А хорошенько разберешь —
Выходитъ такъ-себѣ... какъ глина,
Что хочешь изъ нея сомнешь.
Эхъ, плачетъ по тебѣ дубина!
Добру съумѣла бъ научить,
Да некому дубиной бить!
Ни то дуракъ... развѣсилъ уши,
Разинулъ ротъ, и вѣритъ чуши,
Скобѣевъ будто задолжалъ,

Все значитъ въ карты проигралъ..
Какъ разъ! Ему и проиграться!
Да онъ удавится за грошъ!»

«Эй! старый хрычъ! кого ты ждешь?
Пора въ свояси убираться!»
Съ крыльца Скобѣевъ забасилъ,
Лукичъ за козырекъ хватился,
Картузъ подъ мышку положилъ
И молвилъ: ну, сударь, трудился!
Весь лобъ въ поту!
«Платокъ возьми,
Утрись.»
— Утремся. Я дѣтьми
За вашу клячу-то божился,
Не грѣхъ за хлопоты мнѣ взять.
«Вишь, старый шутъ, чѣмъ похвалился!
Я бъ безъ тебя съумѣлъ продать.
Взялъ съ одного, ну знай и мѣру...
А много заплатилъ Долбинъ?»
— Съ него возьмешь! хоть бы алтынъ,
Такая выжига, къ примѣру!
«Все лжешь!»
— Бываетъ, что и лгу,
А передъ вами не могу:
Не хватитъ духу.
«Это видно!..
Я бъ далъ, нѣтъ мелочи въ дому.»
— Да не шутите, сударь, стыдно!
«Не забываться! ротъ зажму!»

— Благодаримъ. Не вы ли сами
Просили вашу клячу сбыть?
«Взялъ съ одного, ты съ барышами —
И полно!»
— Что и говорить!
Вотъ щедрость! Гм, мое почтенье!
Останься съ рюмкою вина...
Ну, дорогое угощенье!
«Вишневка. Какъ? вѣдь не дурна?»
— Хоть рубль-то дайте!
«Чести много.
Пожалуй, нà вотъ четвертакъ.»
— Себѣ возьмите, коли такъ!
Эхъ, баринъ! не боишься Бога!
«Я говорилъ тебѣ — молчать!»
— Потише! можно испугать!..
Онъ четвертакъ, къ примѣру, вынулъ;
Вишь умникъ! дурака нашелъ...
И свой картузъ Лукичъ надвинулъ,
Съ досады плюнулъ — и ушелъ.

Горятъ огни зари вечерней.
Въ туманѣ прячутся деревни,
И все темнѣй, темнѣй вдали.
За пашнями изъ-подъ земли
Выходитъ пламя полосами
И начинаетъ тутъ и тамъ
Краснѣть по темнымъ облакамъ,
По синевѣ надъ облаками,
И смотришь — неба сторона

Виситъ, въ огнѣ потоплена.
Сквозь сумракъ поле зеленѣетъ;
Угрюмо на краю небесъ
Насупился кудрявый лѣсъ,
Едва примѣтный, онъ синѣетъ,
Какъ будто туча приплыла
И въ полѣ ночевать легла.
Соха на пашнѣ опочила,
Дорожка торная мертва,
Вдругъ началъ перепелъ: ввa, ввa!
И смолкъ.
Но пыль, какъ дымъ, покрыла
Весь городъ; такъ и ѣстъ глаза!
Д . . . . . й улицы краса
Поникли тополи печально,
Наводитъ грусть ихъ жалкій видъ;
На стеклахъ кое-гдѣ горитъ
Зари румяной лучъ прощальной,
Напоминая цвѣтъ лица
Полуживаго мертвеца.
Угрюмо смотритъ съ тротуара
Чугунныхъ пушекъ рядъ нѣмой,
Угрюмо ходитъ часовой
На каланчѣ, и вѣсть пожара —
И днемъ и ночью черный флагъ
Готовъ онъ вздернуть. Что̀ ни шагъ,
Все вывѣски. Вотъ подъѣзжаетъ
Телѣга, вдругъ, какъ изъ земли,
Рука и палка выростаетъ,
Телѣга скрылася вдали.
Уже прохладенъ воздухъ сонный

И мѣсяцъ отраженъ рѣкой,
Но камень, солнцемъ накаленный,
Доселѣ тепелъ подъ ногой.

Лукичъ въ свой домикъ возвращался.
Прищуривъ мутные глаза,
Онъ шелъ одинъ, безъ картуза,
И сильно въ стороны шатался
И въ слухъ несвязно бормоталъ:
«А вамъ-то что̀? Вы что̀ такое?
Вишь умники! ну, погуляль!
Вѣдь на свое, не на чужое!..
Слышь, Климъ Кузьмичъ! каковъ рысакъ?
Плохонекъ? ну впередъ наука!
На то, къ примѣру, въ морѣ щука,
Чтобъ не дремалъ карась... да такъ!
Ты вѣрилъ на слово, и ладно;
Выходитъ дѣло, ты и глупъ!
А мнѣ-то что̀? мнѣ ненакладно,
Мнѣ благо, что купецъ нескупъ.
Э! А собаку-то, пріятель!
Молчишь... сердитъ за рысака...
Да, ты теперь не покупатель,
И не нуждаюся пока.
Да гдѣ я?.. Что̀ за чертовщина!
Постой-ка осмотрюсь кругомъ...
Я помню отъ угла мой домъ
Четвертый... экая причина!
Дай сосчитаю: вотъ одинъ,
Другой, и третій... больше нѣту...
Тутъ пустошь и какой-то тынъ...

Да какъ же прежде пустошь эту
Я здѣсь ни разу не видалъ?..
Тьфу, пропасть! ничего не знаю!..
А! догадался! понимаю!
Не въ эту улицу попалъ.»

VII.

Аринѣ сердце предвѣщало,
Что пьянъ и грозенъ мужъ придетъ;
Чуть раздавался скрипъ воротъ,
Въ ознобъ и жаръ ее кидало.
Свѣча горѣла. За чулкомъ
Грустила Саша подъ окномъ.
Заботамъ чуждъ, какъ уголь черный,
Не унывалъ лишь котъ проворный:
Клубкомъ старушки на полу
Игралъ онъ весело въ углу.
«Иду!... раздался на крылечкѣ
Знакомый крикъ: огня подать!»
И Саша бросилася къ свѣчкѣ,
Отца готовая встрѣчать.

Дверь распахнулась — онъ явился:
Лобъ сморщенъ, дыбомъ волоса,
Дирявый галстукъ на бокъ сбился
И гровью налиты глаза.
«Безъ картуза!» Всплеснувъ руками,

Старушка молвила.

— Молчать!

Я дамъ вамъ дружбу съ столярами!..

Тсс!.. смирно!.. рта не разѣвать!..

«Постойте! Саша говорила:

Я васъ раздѣну.»

— Раздѣвай!

Ну да! и галстукъ... все снимай!..

А ты о чемъ вчера грустила?

«Такъ, скучно было.»

— Врешь! не такъ!

Ты думаешь, отецъ дуракъ...

Цѣлуй мнѣ руку!

Дочь стояла

Недвижно, только по лицу,

Сквозь блѣдность, краска выступала.

— Не стою?.. А! поцѣловала!

Противно, значитъ... да! отцу!

Едва губами прислонилась!

«Ну, началось!» сказала дочь

И отошла съ досадой прочь.

— Разуй меня! куда ты скрылась?

Но Саша медлила.

— Идешь?..

Ну, ладно. Тише! что ты рвешь!

Не надо!

«Полно издѣваться!

Давайте!»

— Цыцъ!

«Вѣдь брошу!»

— Какъ?

Ну брось!.. ну брось!.. отецъ дуракъ,
Ну чтожь! не грѣхъ и посмѣяться...
А я заплачу... не въ первой...
Вотъ плачу... смѣйся! Богъ съ тобой!
«Да лягъ! промолвила старушка:
Хоть тутъ — на лавкѣ. Вотъ подушка.»
— Чего? учи-ко дочь свою!
А я вотъ пѣсню запою:
Лучина...
«Полно, старичина!
Грѣшно! какая тамъ лучина!»
— Молчать! я хлѣба мало ѣлъ!
Вотъ это кто добыть умѣлъ?
И серебро свое онъ вынулъ,
И по полу его раскинулъ.
«На что жь бросать-то?»
— Стой нетронь!
Не подбирай! туши огонь!
«Да лягъ! потушимъ!»
— А! потушишь!
Украсть хотите? нѣтъ, постой!
«Изъ-за чего ты насъ все крушишь?
Ну пьянъ, и спалъ бы, Богъ съ тобой!»
— Кто пьянъ? Ты мужу такъ сказала?
Куда? не спрячешься! найду!
«Оставьте! Саша умоляла:
Она ушла, ушла!.. въ саду.»
— Прочь отъ двери! ты что пристала?
А кто тебѣ вотъ это сшилъ?
И дочь онъ за рукавъ схватилъ.
— Ну! чтожь, къ примѣру, замолчала?

У Саши загорѣлся взоръ,
И все лицо, что коленкоръ,
Вдругъ побѣлѣло. «Не кричите!»
— Кто сшилъ?
«Сама!»
— Вотъ разъ! вотъ два!
И половина рукава
Упала на полъ.
«Рвите! рвите,
За то, что для себя и васъ
За дѣломъ не смыкаю глазъ!
За то, что руки вамъ цѣлую
И добываю хлѣбъ иглой,
Или, какъ нынче, въ ночь глухую
Вотъ такъ терплю!.. И вы родной!
И вы отецъ!»
Старикъ смутился.
Какъ ни былъ пьянъ; но спохватился
И плюнулъ дочери въ глаза.
И вѣрно бъ грянула гроза,
Но Саша за отцомъ слѣдила:
Вмигъ отъ удара отскочила
Назадъ — и бросилася вонъ.

Лукичъ въ сонъ крѣпкій погруженъ.
Свѣча погасла. Все сидѣли
И мать и дочь въ саду густомъ,
И звѣзды радостнымъ огнемъ
Надъ головами ихъ горѣли.
Но грозно, въ синей вышинѣ,
Стояла туча въ сторонѣ,

Сверкала молнія порою —
И садъ изъ мрака выступалъ,
И вновь во мракѣ пропадалъ.
Старушка робкою рукою
Крестилась, вся освѣщена
Намигъ, и пробудясь отъ сна,
На вѣткѣ вздрагивала птичка,
А по дворамъ шла перекличка
У пѣтуховъ.
«Не спишь, дитя?
Старушка молвила, кряхтя: —
Я что-то зябну... охъ! поди-ты,
Какъ грудь-то больно!»
— Вотъ платокъ.
Покройтесь.
«Что ты, мой дружокъ!
И будутъ у самой открыты
До свѣта плечи!»
— Мнѣ тепло.
«Нѣтъ, нѣтъ! не надо! все прошло!»

Но дочь старушку убѣдила,
И грудь и шею ей покрыла
Платкомъ. Сама, какъ часовой,
Бродила по травѣ сырой.
Прогулка грустная не грѣла
Ея продрогнувшаго тѣла.
Тутъ горе... горе впереди,
Теперь и прежде... и въ груди
Досада на отца кипѣла.
Потрясена, раздражена,

Вдыхала съ жадностью она
Холодный воздухъ, хоть и знала,
Что безъ того больной лежала
Не такъ давно. Теперь опять
Хотѣла слечь — и вновь не встать.

Въ саду зеленомъ блескъ и тѣни,
На солнцѣ искрится роса;
Веселыхъ птичекъ голоса
Перекликаются въ сирени;
Прохлада свѣжая давно
Плыветъ въ открытое окно.
Старушка стекла вытираетъ.
Подъ потолокъ пуская паръ,
Кипитъ нагрѣтый самоваръ,
И Саша чайникъ наливаетъ,
Сидитъ съ поникшей головой,
Подпертой бѣлою рукой.

И вотъ Лукичъ отъ мухъ проснулся,
Зѣвнулъ, лѣниво потянулся,
Взглянулъ на столъ — тамъ серебро;
Повѣрилъ — цѣло; ну, добро!
Онъ вспоминалъ, хоть и не ясно,
Что пошумѣлъ вчера напрасно;
Ну, молъ, бѣда не велика,
Не тронь, уважутъ старика.

«Охъ, голова болитъ, старуха!
А что вчера я смирно легъ?»
— Чуть не прибилъ насъ. Видитъ Богъ,

За что. Такая-то сокруха!
И понаслушались всего...
«Гм, жаль! не помню ничего.»
— Въ саду сидѣли до разсвѣта...
Грѣшно, Лукичъ! Въ мои ли лѣта
Такъ жить!
«Ну, ну! не поминай!
Ты пьянаго не раздражай.
Давай-ко поскорѣе чаю,
Быть можетъ, голова... того...
А я жду сваху.»
— Отъ кого?
«Про это я, выходитъ, знаю.
Что думалъ, сбудется авось.»
— Смотри, тужить бы не пришлось...
И-ихъ, старикъ!
«И-ихъ, старуха!
Не забывается сосѣдъ!
Вѣдь я сказалъ, къ примѣру: нѣтъ!
Ну, плеть не перебьетъ обуха!»
— Мнѣ замужъ, батюшка, нейдти.
Чудь слышно Саша отвѣчала,
И съ чаемъ чашка задрожала
Въ ея рукѣ.
«Ты безъ пути
Того... не завирайся много!»
— Я правду говорю.
«Ну врешь!
Велю, за пастуха пойдешь.»
И, поглядѣвъ на Сашу строго,
Отецъ прибавилъ: «да! велю,

И баста! споровъ не люблю.»
— Конечно такъ. Я кукла, стало,
Иль тряпка... и куда попало
Меня ни бросить, все равно,
Подъ лавку, или за окно.
«Да что, къ примѣру, ты въ умѣ ли?
Ты съ кѣмъ изволишь разсуждать?»
— Вотъ еслибъ эту чашку взять
Разбить, вы вѣрно бъ пожалѣли!
«Ну, что жь изъ этого?»
— Да такъ,
Вы сами знаете — пустякъ:
Вамъ чашка дочери дороже.
«Смекаю. Ты-то за кого
Меня сочла? за куклу тоже?
Да ты отъ взгляда моего,
Не то что словъ, должна дрожать!
А ты... ты хлѣбомъ попрекать
Отцу! ты что̀ вчера сказала?
Для васъ дескать, моя игла...»
— Я виновата, попрекала.
Да если бъ камнемъ я была,
Тогда бъ промолвила! Вѣдь горько!
Иной собакѣ лучше жить,
Чѣмъ мнѣ: ее не станутъ бить,
Гнать изъ конуры...
«Дальше!»
— Только.
Что жь мало этого?
«Молчать!
И слышишь ты, не поминать.

Сосѣда! моего порога
Не смѣй онъ знать! Вишь рѣчь нашла!
Благодари, къ примѣру, Бога,
Что у тебя коса цѣла!»

Старушка вышла изъ терпѣнья.
Въ душѣ за дочь оскорблена,
Всѣ слезы, годы униженья,
Все горе старое она
Припомнила — и поблѣднѣла,
И мужу высказать хотѣла.
Какой, молъ, есть ты человѣкъ?
Крушилъ жену свою весь вѣкъ
И крушишь дочь. Побои, пьянство...
Вѣдь это мука, молъ! тиранство!
Ты въ этомъ Богу дашь отчетъ!..
И не рѣшилась. Нѣтъ, нейдетъ:
Вспылитъ. Немного помолчала
И грустно дочери сказала:
«Пей, Саша, чай-то: онъ простылъ.
Что жь плакать!»
— Гм! ей чай не милъ.
Сгубилъ сосѣдъ твою голубку,
Заплачь и ты, оно подъ стать!
Промолвилъ мужъ, и началъ трубку
Объ уголъ печки выбивать.

Межъ тѣмъ въ калиткѣ обветшалой
Кольцо желѣзное стучало.
Лукичъ прислушался: «Стучатъ,
Подъ чай, къ примѣру, наровятъ...»

Въ окно Арина поглядѣла.
— Старуха чья-то... Охъ, Лукичъ,
Не сваха ли? кому опричь!
«Что жь! примемъ.» Саша поблѣднѣла.
Отецъ на кухню указалъ
И Сашѣ выйдти приказалъ.
Она не трогалася съ мѣста.
«Опять упрямство! слышь, невѣста,
За косу выведу, гляди!»
— Иди, душа моя, иди!
Сказала мать: охъ, мука, мука!
«Ну, ну! не мука, а наука...
Васъ плетью нужно бъ обучать.»
И онъ сертукъ сталъ надѣвать.

VIII.

Дверь заскрипѣла, отворилась —
И гостья, кашляя, вошла,
Святымъ иконамъ помолилась
И чуть не въ поясъ отдала
Поклонъ хозяину съ хозяйкой.
На гостьѣ былъ нарядъ простой:
Покрытый синею китайкой
Шушунъ, кокошникъ золотой
И сарафанъ. Взглядъ ястребиный,
Лукавый. На лицѣ морщины,
И тонкій носъ загнутъ крючкомъ.

«Челомъ вамъ, золотые, бьемъ!
Здоровы ли, мои родные?
Ну жаръ! насилу доплелась!
Да пыль отъ вѣтра поднялась —
Измучилася, золотые!»
— Садись-ко, матушка, садись.

Сказалъ Лукичъ: вотъ чашку чаю...
«Давай, родной. Уста спеклись.
Шестой десятокъ доживаю,
Насилу бродишь. Ну и жаръ!»
— Жена! долей-ко самоваръ.
Привѣтимъ гостью дорогую
Чѣмъ Богъ послалъ.
«И-и, родной!
Привѣть хоть лаской-то одной,
Да потрудись на рѣчь простую,
Мнѣ старой бабѣ, отвѣчать.»
— Изволь. Послушаемъ въ чемъ дѣло.
«Кажись, вамъ времячко приспѣло
Живой товаръ свой съ рукъ сбывать;
Есть у меня купецъ; не знаю,
Хорошъ ли будетъ онъ для васъ.»
— А! понимаю, понимаю!
Товаръ, къ примѣру, есть у насъ;
Да кто купецъ-то?
«Таракановъ,
Тарасъ Петровичъ.»
Это онъ!
Лукичъ подумалъ: въ руку сонъ!
Его и ждалъ.
«Пять балагановъ
Своихъ на рынкѣ... голова!»
— Прибавила. И всѣхъ-то два.
«И, нѣтъ!.. Красавецъ! и бровями,
И темнорусыми кудрями,
Всѣмъ взялъ! хоть въ рамку, золотой!»

— Намъ красотой не любоваться!
А былъ бы съ умной головой,
Умѣлъ бы дѣломъ заниматься —
Вотъ это лучше красоты!
«Охъ, батюшка, ума — палата!
А домъ-атъ, поглядѣлъ бы ты,
Ужь нечего!. не наша хата!
Пять комнатъ, судырь мой, просторъ!
На окнахъ бѣлыя гардины,
Въ простѣнкахъ разныя картины,
А дворъ-то, что это за дворъ!
Кругомъ дубовые амбары,
И лѣсъ старинный, прочный лѣсъ!
Въ одномъ углу большой навѣсъ,
Въ амбарахъ всякіе товары...
Что, золотой, и говорить:
Добра возами не свозить!»
— Ну, тутъ прикрасы не у мѣста.
Ты о приданомъ рѣчь веди.
«Рѣчь о приданомъ впереди.
Для жениха нужна невѣста.
Ее онъ видѣлъ гдѣ-то разъ,
Да на-вотъ! кругомъ закружился!
И хлѣба, золотой, лишился,
И ночью не смыкаетъ глазъ —
Все ею грезитъ! Да и мнѣ-то
Совсѣмъ покою не даетъ:
Тутъ мочи нѣтъ, а онъ придетъ,
Все умоляетъ: какъ бы это
Сходила ты къ невѣстѣ въ домъ

Поговорить съ ея отцомъ?»
— Ну, да однако, что же надо?
«Такъ что-нибудь, хоть для обряда:
Четыре головныхъ платка,
Ну-съ... три-четыре перстенька,
Три нитки жемчугу на шею
(Ужь много я просить не смѣю),
Салопъ на бѣличьемъ мѣху,
Сукна на чуйку жениху,
Три шали, восемь платьевъ новыхъ,
Кровать, комодъ и самоваръ,
Ну-съ... чайныхъ чашекъ пять-шесть паръ
И — денегъ, судырь, сто цѣлковыхъ.»
— Выходитъ дѣло, не взыщи!
Съ приданымъ едакимъ, гдѣ знаешь,
Иную дѣвушку ищи.
«И, золотой, ты обижаешь!
Ты покажи товаръ купцу;
Нельзя: такое заведенье!
Не съ разу торгъ, не вдругъ рѣшенье,
Сказать: здорово — и къ вѣнцу.»
— Ну да! вотъ эта рѣчь умнѣе!
Смотрушки завтра. Попозднѣе
Прошу покорно вечеркомъ
Пожаловать къ намъ съ женихомъ.
«Всенепремѣнно. Ваши гости.
Повѣришь ли, что̀ я скажу?
Состарѣлись мои всѣ кости,
Лѣтъ тридцать свахою хожу,
И счетъ-то свадьбамъ потеряла,

А и доселѣ, мой родной,
Всѣ, для кого я хлопотала,
Осталися довольны мной.
Кому какой таланъ отъ Бога!
За то, куда вѣдь ни придешь —
И ласку, и хлѣбъ соль найдешь...
Однимъ не хорошо немного:
Иные выжиги за трудъ
По уговору не даютъ.
Ну, имъ и достается горько:
Начнешь по городу звонить,
То тѣмъ, то сѣмъ ихъ обносить —
И свадьба врозь! да мнѣ-то только
Отъ этихъ выжигъ барыша!»
— Охъ, свашенька, моя душа,
Хозяйка, сморщившись, сказала:
Не грѣхъ отъ этакихъ затѣй?
«И, нѣтъ, родная! я слыхала
(Старшой мой сынъ-то грамотѣй,
Надъ Библіей и засыпаетъ):
За око — око!... вотъ вѣдь что̀!
Коли тебя обидѣлъ кто,
Не кланяйся: не подобаетъ!»

Лукичъ любилъ потолковать.
И у него вплоть до обѣда
Со свахой длилася бесѣда.
Дочь надо за мужъ выдавать
Умно, дескать. Смотри тутъ въ оба!
Тутъ думай думу не шутя:

Не шашка кровное дитя,
Дашь промахъ разъ — бѣда до гроба!
Но сваха не была плоха.
Да, да! разсказывай, молъ, сказки!
И не жалѣла яркой краски,
Рисуя бойко жениха.

IX.

Покамѣсть гостья толковала,
Невольно Саша ей внимала,
И ѣдкой горечи полна,
Рукою трепетной она
Взялась за дверь; была готова
Ее нежданно отворить,
Явиться предъ отцомъ, и снова
Отказъ отъ брака повторить.
Старикъ вспылитъ. Въ пылу досады
Не будетъ отъ него пощады...
Что жь! такъ и быть! Но Боже! мать
Грозой семейной испугать,
Заставить плакать... развѣ мало
Она слезъ горькихъ пролила?
У Саши силы не достало,
И глупымъ бредомъ назвала
Порывъ свой дѣвушка.
Какъ сладко
Въ саду малиновка поетъ!

И какъ не пѣть! въ глуши живетъ,
Въ кустѣ гнѣздо свила украдкой,
Въ гнѣздѣ малютки... любо ей!
Міръ Божій свѣтелъ. Надъ землею
Раздолье утренней порою
Купаться зъ золотѣ лучей.

Весна, весна! души отрада!
Блеститъ на солнцѣ зелень сада,
Въ избыткѣ жизни каждый листъ
Трепещетъ. Въ чащѣ пискъ и свистъ,
Въ травѣ жужжанье. Дятелъ цѣпкій,
По ивѣ ползая, стучитъ,
Вокругъ его сухія вѣтки
Торчатъ какъ пальцы. Грачь глядитъ
Лукаво съ вѣковой березы;
Тамъ крикъ галчатъ на днѣ дупла,
Тутъ въ чашечку душистой розы
Вползаетъ желтая пчела
За медомъ. Вѣтерка дыханье
Едва касается травы,
Надъ головою дня сіянье
И ширь бездонной синевы.

Но вотъ и Саша. Торопливо
Къ плетню сосѣдскому идетъ,
Сама рукой нетерпѣливой
То сломитъ вѣтвь, то отведетъ.
Порою яркими лучами
Ей солнце брызнетъ на плечо,
Пригрѣетъ щеку горячо,

Межь тѣмъ неслышными шагами
За нею тѣнь ея спѣшитъ.
Плетень все ближе. Онъ увитъ
Весь хмѣлемъ. Дѣвушка подходитъ,
Кудрявый хмѣль рукой отводитъ
И на сосѣдскій дворъ глядитъ.
Онъ пустъ. Зеленая крапива
На зноѣ нѣжится лѣниво,
Да у крыльца кусокъ стекла
Сверкаетъ. Даромъ ты пришла,
Бѣдняжка! не видать сосѣда!
И ждать нельзя: пора обѣда,
Старушка дочь свою зоветъ:
— Иди, иди! отецъ, молъ, ждетъ!

Лукичъ былъ веселъ, и за щами
Шутилъ надъ Сашей и женой;
Вотъ, дескать, скоро пиръ честной...
Готовьтесь! погуляемъ съ вами!
Дочь шутокъ вынесть не могла
И за водой съ двора ушла.

Полдневный воздухъ жаромъ пышетъ.
Съ открытой грудью спитъ не дышетъ
Въ постели свѣтлая рѣка.
На желтой полосѣ песка
Бѣлѣетъ камень. Одиноко
За бѣлымъ камнемъ грачь сидитъ,
Крыло повисло, клювъ раскрытъ.
Покрытый влажною осокой,
Къ крутому берегу приросъ

Недвижной лодки черный носъ.
Вдали барахтаются смѣло
Мальчишки. Весело волнѣ
Ласкать ихъ молодое тѣло...
И видны головы однѣ
Да руки крикуновъ. Толпою
Идутъ коровы къ водопою;
Усталый, щелкая кнутомъ,
Пастухъ тащится босикомъ,
Въ рубашкѣ.
Саша отдохнула
У камня. Тихо и жара...
Воды прозрачной два ведра
Съ краями вровень зачерпнула —
И оглянулась. «Гдѣ жь онъ былъ?»
Столяръ на встрѣчу къ ней спѣшилъ.

Сосѣдъ-столяръ высокъ и строенъ,
Не очень смуглъ, не слишкомъ бѣлъ,
Веселый взглядъ его спокоенъ
И простодушно твердъ и смѣлъ;
Въ обтяжку казакинъ изъ нанки,
Рубашка красная чиста;
Не въ тяготу ему рубанки
И не въ кручину бѣднота.

«Вотъ, Саша, встрѣча-то! здорово!
Эхъ, мѣсто дрянь! народъ вонъ есть...
Поцѣловалъ бы... право слово!
Ну, жаль! глаза бъ ему отвесть,

Да не умѣю.»
— Горя много,
Не до того...
«О чемъ грустить?
Что горе? въ горѣ Богъ помога,
Вѣкъ горевать, такъ что и жить!»
— Куда ходилъ?
«Да тутъ скончался
Старикъ знакомый. Тамъ сиротъ!
Нѣтъ гроба... голосьба идетъ...
Я приготовить обѣщался,
Теперь снялъ мѣрку. Жаль до слезъ!
Спасибо, есть готовый тесъ...
Ну, что отецъ?»
— Терпѣть устала:
Не въ мочь! и Саша разсказала
О свахѣ.
«Эдакой старикъ!»
И головой столяръ поникъ,
Подумалъ — и встряхнулъ кудрями.
«Все вздоръ! не надо унывать!
Повѣрь, все кончится словами...»
— Да, хорошо! легко сказать!
Защита гдѣ? Отецъ-то воленъ...
Смотрушки завтра. Онъ сказалъ,
Чтобъ ты двора его не зналъ.
«Вотъ человѣкъ! упрямствомъ боленъ!
Вѣдь за тобою у него
Не требую я ничего...
Я бѣденъ! этого боится?
Такъ мой топоръ не залежится;

Отнимется одна рука,
Вотъ есть другая... безъ куска
Сидѣть не станемъ.»
— Это знаетъ
Онъ самъ.
«Такъ что и горевать!»
— Нѣтъ, Вася, сердце предвѣщаетъ,
Что намъ въ разлукѣ свѣковать!
«Въ разлукѣ! Господи помилуй!
Да развѣ твой отецъ палачъ?
Хоть за-живо ложись въ могилу —
Онъ не дрогнетъ? Ну, рвись и плачь,
Проси, покуда станетъ силы,
Рѣчей и слезъ!»
— Все такъ, мой милый!
Все это было, и неразъ...
Ты знаешь, онъ каковъ у насъ?
Жаль мать, не то хоть утопиться:
Попрекъ, ругательство да споръ...
«Ну что жь, теперь и согласиться?
Подставить шею подъ топоръ?..
Послушай: старику извѣстно,
Что я не плутъ и въ словѣ твердъ:
Ему навѣрно вотъ что лестно —
Женихъ богатъ... Лукичъ вѣдь гордъ
Ну и разсчетъ: онъ, молъ, надёжа
Въ нуждѣ, то-есть... такъ помогу,
Мой другъ, и я. Ей-ей, не лгу!
Хлѣбъ надобенъ — возьми! Одёжа —
Дамъ и одёжу! пусть лежитъ
Хоть на печи, все будетъ сытъ!

Скажи ему.»
— Онъ посмѣется,
А смѣхъ во зло меня введетъ...
Ты не повѣришь, сердце рвется,
Когда онъ подъ хмѣлькомъ придетъ,
Да зашумитъ! сама вѣдь знаю,
Что грубость грѣхъ, не утерплю,
Забудусь. Послѣ проклинаю
Себя же... я его люблю,
Да что̀. . не достаетъ терпѣнья!
«Эхъ, руку бъ далъ на отсѣченье,
Да не поможешь!.. мой совѣтъ —
Поудержись: грубить не слѣдъ.
Что дѣлать! болѣе терпѣла,
Дождемся счастья...»
Но грустна
Стояла Саша. Думъ полна,
На воду тихую глядѣла
Глазами мутными она.
Лазурь небесъ тамъ отражалась,
Рѣка, свободна и свѣтла,
Ее привѣтливо, казалось,
Въ свои объятія звала.

X.

Мерцаютъ звѣзды. Городъ сонный,
Какъ будто вымеръ, — такъ онъ тихъ!
Сквозь сумракъ камни мостовыхъ
Бѣлѣютъ смутно. Мѣсяцъ полный
Свободу далъ своимъ лучамъ:
По крышамъ лазятъ, по стѣнамъ;
Одинъ въ окно слезу подмѣтитъ,
Другой, какъ хитрый чародѣй,
Въ тюрьму проникнетъ безъ ключей
И цѣпь колодника освѣтитъ;
Не слышно церковь навѣститъ,
Окладъ иконъ посеребритъ;
Не зная страха и запрета,
Войдетъ въ алтарь, осмотритъ полъ,
Скорбящій ликъ Владыки свѣта —
И дерзко ляжетъ на престолъ.
Иль въ чащу сада проберется,
По темной зелени блеснетъ,
Росинку на листѣ найдетъ,

Росинка искрою зажжется.
Порой, по улицѣ пустой
Безсонный сторожъ молча ходитъ,
И въ доску бьетъ, и эхо вторитъ,
Тѣнь позади на мостовой
Махаетъ, какъ и онъ, рукой,
И снова тихо... звѣздъ сіянье
Такъ чудно! Вдругъ въ лицо пахнетъ...
Что это? Вѣтерка дыханье,
Иль духа горняго полетъ?

Спитъ Божій людъ. Столяръ доселѣ
Не успокоился въ постелѣ.
Лежитъ онъ подлѣ верстака,
Отдѣлкой гроба утомленный,
Подушка — локоть обнаженный,
Подъ локтемъ — жосткая доска.
Печально смотритъ мастерская:
Смолистый запахъ изливая,
Бѣлѣютъ стружки на полу,
Сосновый гробъ стоитъ въ углу,
Топоръ въ березовый отрубокъ
Воткнулся носомъ. На стѣнѣ
Чернѣетъ старый полушубокъ,
Пила при трепетномъ огнѣ
Блеститъ и меркнетъ. На скамейкѣ,
Въ платкѣ и желтой душегрѣйкѣ,
Семьи сварливая глава,
Сидитъ дородная вдова
И молча карты раскладаетъ,
Про сынинъ бракъ она гадаетъ.

Но сбивчивъ глупый ихъ отвѣтъ:
То выйдетъ — *да*, то выйдетъ — *нѣтъ*.
Вотъ напримѣръ: *печаль, дорога,*
Постель больная, интересъ...
Да тутъ и навыкъ не помога,
Богъ знаетъ, — просто темный лѣсъ!
Межъ тѣмъ, съ гремушкою въ ручонкѣ,
До вечера проспавшій днемъ,
Въ штанишкахъ, въ синей рубашонкѣ,
По стружкамъ скачетъ босикомъ
Ея сынишка краснощекой,
И православныхъ избъ жилецъ,
Извѣстный на Руси пѣвецъ,
Сверчокъ стрекочетъ одиноко
Подъ печью.
«Вотъ, сказала мать:
Вотъ пиковый король... постылый:
Онъ твой злодѣй, мой Вася милый,
Посмотришь, свадьбѣ не бывать,
Ни, ни! я прежде это знала:
Намедни, помнится, во снѣ
Все бисеръ да жемчугъ низала —
И доведется плакать мнѣ.»

Сынъ улыбнулся беззаботно.
Не слишкомъ довѣряя снамъ,
Одной надеждѣ безочетно
Онъ предавался: «Пусть упрямъ
Старикъ-сосѣдъ, все знаетъ Бога...
Ну, будетъ, вѣдомо, тревога:
Лукичъ браниться молодецъ,

Да все же дѣтищу отецъ,
Не камень... сжалится... но диво,
Что ноетъ сердце такъ тоскливо...»
И тяжело столяръ вздыхалъ,
Въ раздумьи кудри расправлялъ.

«Мнѣ то досадно, мать сказала,
Что Лукичу я уважала!
Давно ль жена его у насъ
Брала утюгъ... дескать на часъ,
Два дня держала — я ни слова,
Я подѣлиться, молъ, готова
Съ сосѣдомъ. Сальную свѣчу
Взаемъ на красной горкѣ взяли,
И до сихъ поръ не отдавали...
Ништо! покуда помолчу...
А если онъ насъ одурачитъ,
Я за себя не поручусь,
Ни, ни! я такъ съ нимъ расплачусь,
Что любо!»
— Это ссора, значитъ...
Отвѣтилъ сынъ: бѣды-то нѣтъ,
Безъ шума дѣло обойдется.
«Какъ свистнешь, такъ и отзовется.
Мнѣ эдакъ дорогъ твой сосѣдъ,
Что вонъ немытая тряпица...
Ну, Саша, точно, не въ него:
Скромна, работать мастерица...»
— И не дурна?
«Да, ничего.»
— А ну-ко, Ваня, плясовую!

«Какую, братецъ? А? какую?»
Мальчишка весело спросилъ
И ножками засеменилъ.
Столяръ запѣлъ:

Какъ у насъ во садочку,
Какъ у насъ во зеленомъ,
Люшунки-люли!..

Вдова смѣялась
На пляску. Пѣсня продолжалась
Недолго. Сердце столяра
Опять заныло. — Спать пора!
Оставь-ко, Ваня!
«Право слово,
Я ничего! я не усталъ!»
Но братъ не слушалъ и молчалъ.
И принялась за карты снова
Вдова. Кудрявый Ваня сѣлъ
На лавку и въ окно глядѣлъ.
— Эхъ, какъ звѣзда-то покатилась!
Смотрите! вдругъ онъ закричалъ.
Столяръ съ улыбкою сказалъ:
«Лови!» Вдова перекрестилась.
— Знать умеръ кто... кто ни умретъ,
Такъ, говорятъ, звѣзда спадетъ...
Э, Вася! я и не спросила!
За гробъ-то дорого ль ты взялъ?
«Да какъ сказать... не въ этомъ сила.
Вѣдь я покойника-то зналъ,
Чудакъ! Онъ жилъ въ своемъ домишкѣ,
Такъ — въ старой мазанкѣ! ходилъ
Зимой и лѣтомъ въ халатишкѣ,

Щегловъ, чижей, синицъ ловилъ.
Бывало, раннею зарею,
Въ лѣсъ проберется съ западнею,
Да съ сѣтью — холодъ ни почемъ.
Разставитъ сѣть, а съ птицей клѣтку
На сукъ повѣситъ, иль на вѣтку,
И на-сторожѣ за кустомъ
Дрожитъ въ снѣгу... Одну заботу,
Покуда кончился, имѣлъ:
Не вовремя, молъ, заболѣлъ,
Теперь — вотъ въ лѣсъ-бы, на охоту...
Сталъ умирать, какъ закричитъ:
« — Жена! пусти на волю дѣтокъ!
« — Какихъ тамъ дѣтокъ? говоритъ.
« — Моихъ-то вонъ, моихъ! изъ клѣтокъ!»
— Какихъ на свѣтѣ нѣтъ людей!
И твой отецъ чудилъ не мало,
(Ты въ люлькѣ былъ тогда) бывало,
Чуть свѣтъ — гоняетъ голубей.
Бѣдняжки съ крыши встрепенутся,
Куда! подъ облака взовьются!
Ему-то радость! вверхъ глядитъ,
А самъ свиститъ! а самъ свиститъ!

Столяръ задумался печально.
Давно ли въ этой мастерской
Лежалъ отецъ его больной?
Онъ вспомнилъ взглядъ его прощальной,
Взглядъ грустный, впалые глаза,
Полусѣдые волоса
И эту рѣчь: нужда-нуждою —

Ты, Вася, честь свою храни,
Честь пуще золота цѣни,
Ее нельзя добыть казною!
А коли честно ты живешь —
Все хорошо! и свѣтъ хорошъ,
И будетъ ласковъ людъ съ тобою;
Обидитъ, Богъ съ нимъ! не суди!
Ты знай своимъ путемъ иди...
— Охота не укоръ. Намъ стыдно
И грѣхъ покойника корить!
Такимъ и я желалъ бы быть...
Ну, Ваня, наплясался, видно,
Глаза слипаются... вставай
Да Богородицу читай
На сонъ грядущій.
И ребенокъ
Молитву началъ. Чистъ и звонокъ
Былъ дѣтскій голосъ. Братъ стоялъ,
Его ошибки поправлялъ
Локтями упершись въ колѣни,
Вдова внимала въ тишинѣ;
Огонь мигалъ — и братьевъ тѣни
Передвигались на стѣнѣ.

XI.

Въ рубашкѣ, съ трубкой закуренной,
И разгорѣвшимся лицомъ,
Упрямствомъ дочери взбѣшенный,
Лукичъ сидѣлъ передъ окномъ,
И высоко приподнималась
Отъ гнѣва грудь его. Жена
Вздохнуть и кашлянуть боялась,
Прижавшись въ уголъ, и блѣдна
Стояла Саша.
«Ну, мученье!
Отецъ раздумывалъ: дивлюсь!
— Я жениху не покажусь...
Вотъ дочка! вотъ повиновенье!
За косы взяться? Визгъ пойдетъ...
И жаль! рука не налегнетъ...
Поговорю заблаго съ нею,
Все лучше: можетъ быть, успѣю.» —
«Эхъ-ма! таланъ ты мой худой!
Промолвилъ онъ, махнувъ рукой:

И самъ отрады я не видѣлъ
И дочери знать въ горѣ жить...
Ну, Саша! послѣ не тужить!
Не говорить: старикъ обидѣлъ!
Ты умница, ну — такъ и такъ!
Выходитъ дѣло — я дуракъ...
Не стану спорить, Богъ съ тобою!
А вспомнишь всѣ мои слова,
Когда пойдешь ходить съ сумою.
Разумная ты голова!
— Мнѣ бѣдность, батюшка, знакома;
Къ работѣ я привыкла дома,
А къ горю... мужнина казна
Не дастъ мнѣ счастья.
«Ненужна!
Столяръ дороже... ну вѣстимо.
Ты безъ кручины и заботъ
Съ нимъ проживешь; заботы — мимо,
Къ вамъ счастье съ неба упадетъ...
Эхъ, дура!»
— Сжальтесь надо мною!
За что я молодость свою
Съ немилымъ сердцу загублю?
За что несчастной сиротою
Покину я порогъ родной?
Какъ мнѣ просить васъ? Боже мой!
«Я говорю — добра желаю,
Оставь упрямство! слышишь ты?
Мнѣ что! тебя же избавляю
Отъ голода, отъ нищеты!
У столяра одна избенка,

Казны, ни гроша, мать — бабенка
Сварливая, всегда ворчитъ,
Ей и святой не угодитъ!
А Таракановъ — смѣтливъ, ловокъ,
Богатъ, торговый человѣкъ...
Онъ надаритъ тебѣ обновокъ
До свадьбы-то на цѣлый вѣкъ!»
— Нѣтъ! дорогими лоскутами
Меня ужь поздно утѣшать!
Я не дитя!.. Не вы ли сами
Любили это повторять?
«Лукичъ, жена ему сказала:
Столяръ ей по сердцу.»
— Ну да!
А знаешь, какова нужда?
Ты на себѣ не испытала?
Въ утѣху ли любовь-совѣтъ,
Когда къ обѣду хлѣба нѣтъ?
«И-ихъ, старикъ! онъ силенъ, молодъ,
Не глупъ...»
— А если заболитъ,
Да годъ въ постели пролежитъ,
И дочь твоя узнаетъ голодъ,
Ты, значитъ, какъ? поможешь ей?
Смотри, тогда не пожалѣй!
«Охъ, бѣдность! я ль ея не знаю!
Какъ хочешь, Сашенька, гляди...
Я принуждать не принуждаю,
А про нужду по мнѣ суди:
И мать твоя была здорова,
И весела, и молода,

Теперь... теперь упасть готова
Отъ вѣтра... Охъ, тяжка нужда!»
— Что жь! рада ль я себѣ? моя ли
Вина? Не вы ли столяра
Въ свой домъ, какъ сына, принимали?
Не тутъ ли, батюшка, подъ-часъ
Съ родными шла у васъ бесѣда,
Что хорошо бы за сосѣда
Отдать вамъ дочь? А я отъ васъ
Таилась развѣ? Вы вѣдь знали,
Что мы другъ къ другу привыкали!
Вы это видѣли!
«Молчать!
Ну!..»
— Воля ваша принуждать,
А я не выйду за другаго.
«Не слушаться? Отца роднаго?
Нѣтъ, подожди, къ примѣру, врешь!
Какъ! я не властенъ надъ тобою?
Не властенъ? Стало ты не мною
Воспитана и рождена?
Ты мнѣ за это не должна
Повиноваться?»
— И не жалко,
Не грѣхъ вамъ дочь свою губить?
«Ты... ты не смѣй меня учить!
Всѣ ребра изломаю палкой!»
—Что жь! бейте! мнѣ одинъ конецъ!
Кто васъ осудитъ? Вы — отецъ!
Вы властны! стало-быть я стою!..
О, Господи! да скоро ль я

На вѣкъ глаза свои закрою?
И покатились въ два ручья
У Саши слезы.
«Вонъ отсюда!
Ступай! вѣнчайся съ столяромъ!
Ты мнѣ не дочь! и живъ покуда,
Я не пущу тебя въ свой домъ!»
— Лукичъ, старушка зарыдала:
Опомнись! кровь твоя!..
«Молчать!
Умѣла твари потакать,
Теперь казнись!.. Чего жь ты стала?
Вонъ говорятъ тебѣ»!,
— Постой...
Куда жь идти мнѣ? Боже мой!
«Хоть къ чорту!»
— Батюшка!
«Ни слова!
Скажи одно въ послѣднiй разъ:
Готова слушаться?»
— Сейчасъ,
Сейчасъ скажу...
«Ну что жь, готова?
Ты масломъ не зальешь огня
Не хныкай! вотъ что!»
— Погодите...
Въ глазахъ мутится у меня...
«Я жду!»
— О чемъ вы говорите?
«Забудешь ты сосѣда?»
— Нѣтъ!

Нѣтъ, не могу!
«Одинъ отвѣтъ...
Такъ будь ты проклята отнынѣ!»
— Какъ! Сашу, Сашу проклинать?.
И вздрогнула старушка-мать,
Какъ листъ на трепетной осинѣ.
— Она моя! я буду ночь
Такъ — на колѣняхъ... Саша! дочь!
Дитя мое!.. скажи — согласна...
Не отнимай руки, не дамъ...
Я поцѣлую... я несчастна!...
И ты! и ты!... о горе намъ!..
«Согласна.» Саша отвѣчала,
И на полъ замертво упала.
— «Охъ, ты мучитель нашъ...
«Ну-ну!
Лукичъ прикрикнулъ на жену:
Воды скорѣе!... не хотѣла
Учить красавицу путёмъ,
Вотъ довела ее до дѣла —
До грубости передъ отцомъ!»

XII.

Едва блеснувшій лучь разсвѣта
Засталъ Арину въ хлопотахъ;
Она была уже одѣта
И грѣла воду въ чугунахъ.
Старушка ставней не открыла
И въ горенкѣ, какъ тѣнь, бродила,
Тревожить шумомъ не хотя
Всю ночь не спавшее дитя.
Вотъ утро. Саша не гуляетъ;
Къ смотрушкамъ въ домѣ прибираетъ;
Все принимаетъ новый видъ,
Сіяетъ, лоснится, блеститъ...
Окно на солнышкѣ сверкаетъ,
Икона радостно глядитъ.
А за окномъ, на вѣткахъ ивы,
И крикъ и споръ нетерпѣливый
У любопытныхъ воробьевъ:
Смотрите, молъ!... мытье половъ,
Возня, тревога... дѣло худо!

И котъ вонъ тутъ! скорѣй отсюда!
И птицы дружно поднялись
И въ даль въ испугѣ понеслись.
Не весела одна невѣста,
Не споръ и трудъ въ ея рукахъ,
Пойдетъ съ ведромъ — и вдругъ ни съ мѣста.
Стоитъ, глядитъ — туманъ въ глазахъ...

Лукичъ былъ тоже озабоченъ:
Всталъ рано, чуть не на зарѣ,
Замѣтилъ, что заборъ не проченъ,
Двѣ щепки поднялъ на дворѣ
И отдалъ въ кухню на топливо.
Хозяйствомъ грѣхъ пренебрегать.
Онъ зналъ, что надо терпѣливо
И неусыпно собирать
Добро домашнее. Бывало,
Когда домой идетъ не пьянъ,
Что подъ ноги ему попало —
Подкова, гвоздикъ — все въ карманъ.
Прошелся по̀ саду отъ скуки,
Червей на яблони сыскалъ
И, снявъ ихъ, про себя сказалъ:
«Ахъ вы, анаѳемскія штуки!
Не давитесь чужимъ добромъ!»
И наконецъ покинулъ домъ.
На перекресткѣ помолился
На церковь; нищей поклонился,
Откуда, чья она — спросилъ,
И грошъ ей въ чашку положилъ, —
Не по любви и состраданью

Къ подобному себѣ созданью,
Онъ просто вѣрилъ, что Господь
За подаяніе святое
Ему сторицею пошлетъ...
Желанье, кажется, благое
И основательный разсчетъ.
Купилъ на площади торговой
Осенней шерсти два мѣшка
У горемыки мужика,
О всходахъ проса, гречи новой
Потолковалъ съ нимъ напередъ
И крѣпко побранилъ господъ:
«Народъ, молъ, да! работай втрое,
Изъ жилъ тянись, — имъ все не въ честь!»
Мужикъ былъ тронутъ за живое,
Заговорилъ, забылъ про шерсть:
— Вотъ то, дескать!.. и то, и въ праздникъ.
«Такъ! трудъ чужой кладутъ въ бумажникъ!»
Лукичъ, нахмурясь отвѣчалъ,
И вѣся шерсть, на рубль укралъ.

—

Домъ Лукича горитъ огнями,
Кругомъ ночь черная лежитъ,
Отъ красныхъ оконъ полосами
Свѣтъ въ сонной улицѣ виситъ.
Гостями горенка набита,
Женихъ высокъ, румянъ, курчавъ,
Веселый взглядъ его лукавъ;

Невѣста бѣдная убита,
Разноситъ чай, а гости пьютъ,
Да рѣчи умныя ведутъ.
Съ досадой женщины толкуютъ,
Что оплошалъ гостиный рядъ,
Товары завалью глядятъ,
Купцы безсовѣстно плутуютъ,
На шаляхъ мало пестроты,
На ситцахъ блѣдные цвѣты;
Старушки съ грустью вспоминаютъ
О сарафанахъ съ галуномъ,
О серьгахъ съ крупнымъ жемчугомъ,
И прихоть моды обвиняютъ.
Хозяинъ судитъ съ женихомъ
О разныхъ выгодахъ торговли,
О недостаткѣ рыбной ловли
Въ ихъ городѣ, и сознаетъ,
Что рѣчь разумно онъ ведетъ.
Какъ мраморъ блѣдная, невѣста
Уже не разъ вставала съ мѣста
Гостей сластями обносить
И свой нарядъ перемѣнить.
Женихъ и мать его съ роднею
Перемигнулись межъ собою:
«Пора молъ!» и пошли на дворъ
Надъ Сашей кончить приговоръ.
«Каковъ женихъ? не молодчина?
Шепталъ Лукичъ: не плачь, Арина!..
Ты, Саша, удались пока;
Начнется торгъ, такъ не рука
Тутъ быть невѣстѣ...» Сваха входитъ

Поклонъ-другой, и рѣчь заводитъ:
«Ну, батюшка, товаръ хорошъ,
Купца похвалишь ли, не знаемъ.»
— Ты честь товару отдаешь
И мы купца не охуждаемъ;
Разсчетъ въ приданомъ.
«И, родной,
Не просимъ лишняго.»
— Постой!
Твой разговоръ, къ примѣру, красенъ...
Ты слушай вотъ что̀: жемчугу
И денегъ дать я не могу,
А насчетъ платья — я согласенъ.
«Нѣтъ, нѣтъ! копѣечки одной
Мы не уступимъ, золотой!
— А я и нитки не прибавлю!
И завязался жаркій споръ.

«Пустѣйшій, значитъ, разговоръ!
Сказалъ женихъ: я все поправлю.
Дочь ваша, смѣю доложить,
Не то что... да-съ! Ей-ей, безъ лести!
Извольте насъ благословить,
Коли я нравлюсь ихней чести,
Намъ деньги — пыль-съ!»
— Выходитъ рокъ!..
Жена! утирку и платокъ!

Старушка, плача, суетилась.
Невѣста снова появилась,
Подносъ у матери взяла

И жениху, съ боязнью тайной,
На немъ подарокъ обручальной,
Глотая слезы, подала.
Женихъ утерся имъ легонько,
Невѣстѣ молча возвратилъ,
Утерлась и она.
«Ну, только!
Теперь Господь васъ съединилъ;»
Съ поклономъ сваха имъ сказала,
И поцѣлуемъ приказала
Обрядъ закончить, рядомъ сѣсть
И полюбовно рѣчи весть.

И гости весело шумѣли.
Подруги Саши пѣсни пѣли,
Простой напѣвъ ихъ грустенъ былъ,
Тоску и думу наводилъ.
Вино лилось. Съ улыбкой сладкой
Женихъ невѣсту цѣловалъ,
Арина плакала украдкой,
Лукичъ безъ устали плясалъ.
Межъ тѣмъ невзгода бушевала,
Вылъ вѣтеръ. Молніи струя,
Сквозь ливень крупнаго дождя,
По темнымъ стекламъ пробѣгала,
За нею вслѣдъ катился громъ,
И вздрагивалъ непрочный домъ.

Невѣста бѣдная сидѣла
Всему чужда, едва жива;
Какъ въ полымѣ у ней горѣла

Потупленная голова.
Не въ радость былъ ей пиръ веселый,
Звонъ рюмокъ и напѣвъ подругъ,
Нѣтъ! Сашу мучилъ бредъ тяжелый!
Надъ садомъ звѣзды. Тишь вокругъ.
Припавъ щекой къ плечу сосѣда,
Она подъ ивой съ нимъ стоитъ,
Чуть внятный шепотъ — ихъ бесѣда,
Да громко сердцу говоритъ...
Какъ темны листья сонной ивы!
Какъ ясенъ мѣсяцъ молчаливый!
Вотъ полдень. Жарко. Вѣтеръ спитъ.
Горячь песокъ. Рѣка блеститъ.
Сосѣдъ на берегу; онъ блѣденъ.
Что жь, говоритъ, я, Саша, бѣденъ!..
Все вздоръ! отецъ твой не палачъ!
Проси, мой другъ! и рвись, и плачь!

«Гуляй, бѣднякъ! богатымъ будешь!»
Хозяинъ пьяный закричалъ,
И Сашѣ на ухо сказалъ:
«Сосѣда что ли не забудешь?
Взгрустнулось!.. жениха займи!
Не то я... прахъ тебя возьми!
Гм! понимаешь?...» Дочь вздрогнула,
Въ испугѣ на отца взглянула,
Въ отвѣтъ полслова не нашла.
Но тутъ подруга подошла,
Вся въ бѣломъ, бойкая, живая,
И, Сашѣ руку пожимая,
Шепнула: «не круши себя!

Я знаю!.. выручу тебя!...»
Прищурила глаза лукаво
И сѣла рядомъ съ женихомъ.
«Какъ жарко!»
— Да-съ.
«Досадно, право!...
Вы танцы любите?»
— Съ трудомъ
Такъ-съ малость самую танцую.
«Зачѣмъ же?»
— Какъ бы вамъ сказать...
Ногами вензеля писать
Мнѣ некогда-съ! вѣдь я торгую.
«Вы курите?»
— Ни, Боже мой!
И не къ чему-съ: расходъ пустой!
«Зимой катаетесь?»
— Бываетъ,
На сырной. Это ничего-съ!
Вотъ жалко вздорожалъ овесъ!
Конь, знаете, не понимаетъ,
Что жерновъ, мелетъ Божій даръ.
«Скажите!»
— Да-съ! вотъ самоваръ
Въ семействѣ нуженъ. Не скрываю,
Съ ребячества привыкъ я къ чаю,
Сначала просто пью, потомъ
Употребляю съ молокомъ;
Не покупать-съ: своя корова.
«Конечно. Съ молокомъ здорово...
У васъ цѣпочка не дурна.»

— Четыре серебромъ дана,
По случаю-съ.
«А! вы счастливы!»
— Цыганки то же говорятъ,
Таланъ все, знаете, сулятъ...
Все чипуха-съ! на грушѣ сливы. —
«Какъ! вы гадали?»
— Да-съ, гадалъ.
Я сумасшедшаго знавалъ,
Ахъ, тотъ угадывалъ отлично!
Бывало, дичь несетъ, несетъ,
Подъ-часъ и слушать неприлично,
Да вдругъ такой намекъ ввернетъ.
Что просто... да-съ! ей-ей, чудесно!
Даръ значитъ! все ему извѣстно!
«Нѣтъ, не люблю я ворожить!
Иное дѣло — говорить,
Вотъ это такъ. Сама не знаю,
Чуть на минуту умолкаю,
Мнѣ скучно... даже зло беретъ...
Поговоришь — и все пройдетъ.
Я надоѣмъ и вамъ ужасно:
Все говорю и говорю,
Болтушка — скажете...»
— Напрасно!
Чувствительно благодарю!

Усердной пляской утомленный,
Забившись въ уголъ отдаленный,
Лукичъ покрикивалъ, сквозь сонъ:
«Молчать... покой мнѣ дайте!.. вонъ!»

— Прощайте, батенька, прощайте!
Женихъ съ улыбкой отвѣчалъ
И руку Лукичу пожалъ.
«Ты что̀ за птица?»
— Угадайте.
«Пожалуй. Помоги мнѣ встать.
Ты кто?»
— Вашъ нареченный зять.
«Подай свѣчу... Вотъ такъ... не знаю!..
Столяръ что ль? Нѣтъ, онъ не таковъ...»
— Я, батенька, Тарасъ Петровъ.
«А! вспомнилъ, вспомнилъ! понимаю!
Ну, поцѣлуй меня... вотъ такъ!
А я, ей-Богу, не дуракъ!
И Саша вотъ... дитя родное...
Мнѣ значитъ жаль... подумалъ ночь...
И столяры. . и все такое...
А ты вѣдь можежь мнѣ помочь?
На совѣсть, честно поторгую!
И ты, выходитъ, чуть сплутую...»

Женихъ давно за дверью былъ,
Но все свое Лукичъ твердилъ.

XIII.

Востокъ краснѣетъ. Кровли зданій,
Дождемъ омытыя, блестятъ.
По небу синему летятъ
Огнемъ охваченныя ткани
Прозрачно-блѣдныхъ облаковъ,
И тихій звонъ колоколовъ
Ихъ провожаетъ. Паръ волнами
Плыветъ надъ сонными домами.
Онъ влаженъ. Свѣжій воздухъ чистъ.
Дышать легко. Румяный листъ
Трепещетъ, каплями покрытый.
По улицѣ ручей сердитый
Журчитъ, досель не затихъ.
Межъ бѣлыхъ камней мостовыхъ
Вода во впадинахъ алѣетъ.
Порою вѣтерокъ повѣетъ —
И грудь невольно распахнешь,
Цвѣтовъ и травъ дыханье пьешь.
Проснися, Божій людъ! не рано!

Вотъ кормитъ ласточка дѣтей,
Несутся стаи голубей
Въ поля. Лучь солнца изъ тумана
Уже сквозитъ — и Божій людъ
Проснулся весело на трудъ.

Столяръ сидитъ съ нѣмой тоскою,
Поникъ кудрявой головою
И не поетъ его пила:
Кручина руки отняла.
Халатомъ старенькимъ покрытый,
Его братишка, какъ убитый,
Раскинувъ руки, сладко спитъ,
И неразлучная игрушка,
Его любимая гремушка
Безъ дѣла подъ бокомъ лежитъ.
Дверь настежь — и вдова вбѣжала,
Съ усильемъ духъ перевела,
Руками бойко развела
И вскрикнула: «Не угадала?
Нѣтъ, карты, батюшка, не лгутъ!
Вотъ твой Лукичъ-то! вотъ онъ, плутъ!
О-охъ, родимые! устала!..
Дай, сяду... охъ!.. терпѣнья нѣтъ!..
Отдѣлали! хорошъ сосѣдъ!»
— Нельзя ли, матушка, безъ шуму?
Не весело и безъ того!
«Ну славно, славно! ничего!
Сиди вотъ сиднемъ! думай думу!
А Сашка-то изподтишка
Вонъ подцѣпила женишка...

Сейчасъ съ нимъ у воротъ прощалась,
Ужь цѣловалась, цѣловалась!
Ну-ну! безстыжіе глаза!
Да что вѣдь — на меня взглянула —
И головою не кивнула...
А!.. каково? не чудеса?»
— Да ладно! мнѣ-то что за дѣло!
«Благодарю! благодарю!
Ну, извини, что надоѣла
И не у мѣста говорю...
Нѣтъ дѣла! думаешь не штука?
Съ тобою матери-то мука:
Дѣвчонкой, дурой проведенъ!
Понравилась! околдовала!
Вишь роза! гдѣ и разцвѣтала!»
И мать съ досады вышла вонъ.

Ей нужды было очень мало,
Что сынъ невѣсту потерялъ,
Да самолюбіе страдало:
Сосѣдъ, бѣднякъ — и отказалъ.
Обидно, главная причина!
И оскорбленная вдова
Сердилась на себя, на сына,
На цѣлый свѣтъ... она едва
Кота полѣномъ не убила,
За то, что въ кухнѣ захватила
Его надъ чашкою съ водой:
Ты, молъ, не пей, такой-сякой!

Услышавъ вечеромъ случайно
У Лукича напѣвъ печальной,

Столяръ промучился всю ночь.
Кого винить, отца, иль дочь,
Рѣшить хотѣлъ онъ, и терялся.
Ходилъ въ потьмахъ по мастерской,
Въ постелю жосткую кидался
И слушалъ бури свистъ и вой,
И блескомъ молніи порой
Его лобъ блѣдный освѣщался,
Постелю снова покидалъ,
Свѣчу безъ нужды зажигалъ.
Теперь сомнѣнья не осталось:
Онъ Сашу видѣлъ изъ окна:
Толпой гостей окружена,
Средь смѣха пьянаго, казалось,
Она подъ ножъ подведена.
«Ахъ, Саша, Саша!» и тоскливо
Глядѣлъ онъ на широкій дворъ,
Поросшій жгучею крапивой,
На кровли, на чужой заборъ...
И смутно передъ нимъ мелькали
Его прожитыя лѣта —
Перенесенныя печали,
Безропотная нищета,
О домѣ, о семьѣ забота,
Работа днемъ и по ночамъ,
Трудъ изъ-за хлѣба, трудъ до пота;
Едва не съ кровью пополамъ,
Вся горечь жизни обыденной,
Все, что язвитъ и мучитъ насъ,
Что отравляетъ жизнь подъ-часъ,
Весь воздухъ, пищу, сонъ покойной,

Все, что давно ужь пронеслось —
Закопошилось, поднялось,
Дыханье въ горлѣ захватило,
И свѣтъ туманомъ позакрыло...
«Эхъ! пропадай ты, голова!»
— Куда ты? крикнула вдова,
Глазами сына провожая
Съ крыльца, но сынъ не отвѣчалъ,
Калиткой хлопнулъ — и пропалъ.

Пора обѣда наступила,
И все нейдетъ столяръ домой.
Кручина молодца сломила,
Ввела въ кабакъ, виномъ поила,
Поила отъ роду впервой.
И пѣлъ онъ пѣсни — и смѣялась
Толпа гулякъ средь кабака —
Пѣлъ громко, а змѣя тоска
Кольцомъ холоднымъ обвивалась
Вкругъ сердца.
«Охъ, не утерплю!
Сказалъ дѣтина худощавый,
И, скинувъ съ плечъ халатъ диравый,
Пошелъ плясать. «Вотъ такъ! люблю!»
Зѣваки пьяные шумѣли.
Дѣтина соловьемъ свисталъ,
Привскакивалъ и присѣдалъ,
На полкахъ шкалики звенѣли.
«Нѣтъ, пой, кто хочетъ! я усталъ!»
Столяръ съ отчаяньемъ сказалъ,
Ладонью въ лобъ себя ударилъ

И грустный на скамейку сѣлъ,
И думалъ думу... вдругъ расправилъ
Густые кудри и запѣлъ.
Пѣлъ про туманъ на синемъ морѣ,
Да про худой таланъ и горе...
И пѣснь лилась, пѣвецъ блѣднѣлъ.
Казалось, все: тоску разлуки,
И плачъ любви, и грусти стонъ
Изъ сердца съ кровью вырвалъ онъ
И воплотилъ въ живые звуки...
И каждый звукъ былъ полонъ слезъ;
То съ поражающей силой
Онъ несся въ высь, все росъ и росъ,
Какъ будто съ свѣтомъ, съ жизнью милой
Прощался, въ небѣ утопалъ;
То падалъ, за̀ сердце хваталъ
И гасъ, какъ свѣточъ, постепенно...
Пѣвецъ умолкъ и застоналъ:
«Охъ! душно, братцы!.. и мгновенно
Рубашки во̀ротъ разорвалъ.
«Вина!»
Сидѣлецъ засмѣялся:
— Клади, молъ, денежки-то намъ.
«А въ долгъ?»
— Проваливай!
«Отдамъ!»
— Спасибо! экъ онъ разгулялся!
«Проклятый! на̀ вотъ казакинъ!»

Но вдругъ картина измѣнилась.
Въ слезахъ и блѣдная, явилась

Мать столяра. «И ты мнѣ сынъ?
Святитель! Николай-Угодникъ!
Да гдѣ я?.. Охъ! подъ сердцемъ жжетъ!
Шла мимо... съ рынка... сынъ поетъ...
Все Сашка!.. Такъ!.. сосѣдъ-разбойникъ!
И запилъ! Ахъ, дуракъ, дуракъ!»
Сынъ стиснулъ поднятый кулакъ...
«Ха-ха! доходитъ до расправы!
Сказалъ дѣтина худощавый:
Къ чертямъ старуху! проучи!»
Столяръ схватилъ его: — Молчи!
И грянулъ объ полъ. «Стой, ребята!
Связать его! позвать солдата!»
Сидѣлецъ крикнулъ. «Вотъ онъ, другъ!»
И въ молодца впились шесть рукъ.
Но молодецъ сверкнулъ глазами,
Тряхнулъ могучими плечами —
И всѣ разсыпались. Вдова
Перепугалась. «Голова!
Перекрестись! ну что ты! Стыдно!
Опомнись! съ улицы вонъ видно!
Эхъ, соколъ, соколъ! какъ теперь
Изъ этой пропасти за дверь
Ты выйдешь? А? Побойся Бога!
Ты пропадешь!...»
— Туда дорога!
«Я знаю, знаю отъ чего
Ты выпилъ! Ну и ничего...
Я мать... Мнѣ, думаешь, отрада?
Ну брось! забудь! такъ стало надо!

Знать не судьба твоя!...»
— Забудь!
Да ножъ-то, ножъ-то прямо въ грудь
Засѣлъ!... Оставь меня, родная!
«Пойдемъ, голубчикъ мой, пойдемъ!
Братишко плачетъ, отпертъ домъ...
Все пусто. . да! и мастерская...
Топоръ тамъ, все... ну пошалилъ...
Ты вспомни, какъ отецъ-то жилъ!
Что завѣщалъ то!... Власть не наша!
Перенеси!»
— Ахъ, Саша, Саша!
На вѣкъ пропали мы шутя!
Столяръ заплакалъ, какъ дитя.

XIV.

Со дня помолвки измѣнился
Невѣсты скромный уголокъ;
Въ немъ съ утра до ночи тѣснился
Веселыхъ дѣвушекъ кружокъ.
Ихъ занимало на досугѣ
Шитье приданаго подругѣ,
Мелькнувшій мимо пѣшеходъ,
Подъ вечеръ пѣсни у воротъ,
Порою снобъ истолкованье,
Въ саду горѣлки и гулянье;
Но вечеринокъ блескъ и шумъ
Сильнѣе занималъ ихъ умъ.
Двѣ скрыпки, въ домѣ освѣщенье,
Отъ стука крѣпкихъ каблуковъ
Дрожанье стульевъ и столовъ,
Смѣхъ *молодцовъ*, ихъ объясненье:
На счетъ того-съ... мое почтенье...
Горячихъ поцѣлуевъ звукъ,
Украдкою пожатье рукъ —

Вотъ вечеринка; остальное
Не новость: сборище ночное —
Подъ окнами толпа зѣвакъ,
Въ окрестномъ мракѣ лай собакъ.

Отцу суровому послушна,
Всегда задумчива, тиха,
Свою печаль отъ жениха
Таила Саша. Равнодушна
Въ толпѣ подругъ она была;
Порой казалась весела,
Шутить, смѣяться начинала,
Но вдругъ, средь смѣха, умолкала
И уходила въ садъ, и тамъ,
Въ зеленой чашѣ, одиноко
Садилась на скамьѣ широкой
И накопившимся слезамъ
Давала волю...
«Слава Богу!
Отецъ невѣсты разсуждалъ:
Теперь на ровную дорогу
Я выйду: зятя отыскалъ...
Не столяру чета! Онъ вѣрно
Поможетъ тестю... Вотъ что скверно —
Никакъ приданымъ не собьюсь!
Бѣда, къ примѣру! смерть боюсь!
Что если свадьба разойдется?
Чортъ знаетъ, просто сбился съ ногъ!
Навязываю домъ въ залогъ —
И тутъ заемъ не удается!
Не скажутъ прямо: деньги есть

Не про твою, къ примѣру, честь,
Помучатъ болтовней, распросомъ,
На что молъ, — и отправятъ съ носомъ:
Свои-де нужды, извини...
Вотъ богачи-то! вотъ они!
Вотъ правда!... Или попытаться
Пойдти къ Скобѣеву? Вѣдь жидъ!
Просить не стоитъ... и сердитъ...
Да Богъ съ нимъ! мнѣ равно шататься!
Ужь занимать не миновать,
Глядишь, уважитъ — какъ узнать?»

И черезъ часъ, проситель скромной,
Онъ у Скобѣева въ пріемной
Ждалъ милости. Лакея нѣтъ,
Налѣво двери въ кабинетъ,
Тамъ разговоръ.
«Такъ все готово?»
Звучалъ густой, хозяйскій басъ
(Лукичъ узналъ его за-разъ):
— Да, мнѣ дано честное слово,
Разбитый голосъ отвѣчалъ:
Вчера и нынѣ хлопоталъ
Въ коммиссіи.
«А! вы оттуда...
Прекрасно! стало нашъ подрядъ...»
— Все подвигается покуда,
Подмазать надо, говорятъ.
Вы какъ? не прочь?
«Весьма пріятно!
На вещи цѣну-то того...

Вы понимаете?»

— Понятно.

Да не опасно ль?

«Ничего!

А по бумагамъ безусловно

Въ подряды вы: я подъ судомъ.»

— Какъ ваше дѣло въ уголовной?

«Пустякъ! конечно подъ сукномъ...

Жаль, нѣтъ войны! подряды мелки,

Отъ мира мало намъ добра!»

— Ну, грѣхъ сказать!

«Все вздоръ! бездѣлки!

Нѣтъ, батюшка, не та пора!

Тамъ видишь груды серебра!

Бывало, сердце разгорится...

Эхъ, молъ, равно! Господь проститъ!

И хватишь смѣло, ну и сытъ:

Сундукъ трещитъ, какъ говорится!»

Лукичъ затылокъ почесалъ.

И долго головой качалъ;

Ну, хороши молъ!

«Вы къ обѣду

Ко мнѣ?» Скобѣевъ забаснлъ

И гостю двери отворилъ.

— Не знаю... можетъ-быть, пріѣду.

Въ раздумьи бородачъ сказалъ.

Скобѣевъ громко засвисталъ.

Едва свистъ барина раздался,

Худой и блѣдный казачокъ

Вбѣжалъ, въ испугѣ заметался

И гостю лысому помогъ
Надѣть шинель.
«Зачѣмъ явился?»
Скобѣевъ Лукича спросилъ,
Въ карманы руки заложилъ
И въ мягкомъ креслѣ развалился.
«Эй! Васька! трубку! Ну, зачѣмъ?»
—Что, сударь, обнищалъ совсѣмъ!
Просваталъ дочь, нужна помога,
Цѣлковыхъ едакъ сто взаёмъ,
Я заложилъ бы вамъ свой домъ,
Не откажите, ради Бога!
«Просваталъ дочь... А что она
Молоденькая? не дурна?»
Румяный баринъ улыбнулся,
Прищурился и потянулся.
—Вы все изволите шутить...
Тутъ горе! смѣю доложить.
«Да врешь! когда вашъ братъ горюетъ?
Привыкъ къ бездѣлью, пьетъ вино,
Да ѣстъ и спитъ, или плутуетъ,
И только. Знаю васъ давно!»
—Всѣ люди грѣшные, конечно...
Я заплачу вамъ черезъ годъ,
Проценты вычтите впередъ,
Ей-ей, васъ не забуду вѣчно!
«Пожалуй, почему не такъ.
Ты мнѣ заслужишь, я надѣюсь...»
—Послѣднихъ силъ не пожалѣю-съ!
Вотъ благодѣтель!
«Вотъ дуракъ!

Ха-ха! шучу! Я съ кулаками
Не связываюсь никогда!»
Лукичъ остолбенѣлъ ..
—Да, да!
Мы, значитъ, черви передъ вами,
И насъ, какъ плюнуть, раздавить...
Эхъ-ма!
«Поменьше говорить!»
Старикъ взбѣсился.
— Ваша воля!
Прикажете, мы замолчимъ.
Мы что̀ за люди? Наша доля
Терпѣть. На этомъ и стоимъ.
«Не притворяйся сиротою:
Меня не скоро проведешь!»
—Куда мнѣ съ глупой головою
Васъ проводить? Тутъ не найдешь,
Къ примѣру, слова... Вы богаты,
Вы баринъ, честная душа,
Я плутъ, на сертукѣ заплаты
И въ кошелькѣ-то ни гроша,
Куда мнѣ! .. Стало, не дадите?
«Не разживешься, признаюсь.»
—Я и за это поклонюсь.
Благодарю васъ! извините,
Что безпокоилъ.
«Краснобай!
Ну, ну! не кланяйся! ступай!
А ты мошенникъ, старичина!
Тварь хитрая!»
—Благодарю!

За рысако-та вамъ дарю,
Раздайте нищимъ.
«Вонъ, скотина!»
—Испортишь кровь. Ну что кричать!
Вѣдь лѣкаря придется звать...
Скобѣевъ бранью разразился:
«Эй! люди! въ кнутья наглеца!...»
Старикъ съ широкаго крыльца
Сходилъ-себѣ, не торопился;
Не скоро дворня собралась
И перебитой разошлась.

Дулъ сильный вѣтеръ. Дождикъ лился.
Согнувшись, въ обуви худой,
Старикъ печально шелъ домой.
На перекресткѣ онъ столкнулся
Съ торговкой, что-то проворчалъ,
Посторонился, поскользнулся
И чуть средь лужи не упалъ.
Старуха, шамшая, сказала:
«Хрѣнку, родимый, не возьмешь?»
—Ну-ну! проваливай! пристала!
Безъ хрѣну горько не втерпежъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

«Ну вотъ тебѣ и взялъ взаемъ!
Постой! постой!... вѣдь этотъ домъ
Купца Пучкова... Э, почтенный!

Я про тебя и позабылъ!
Пучковъ. . да! я ему служилъ:
Святоша, человѣкъ смиренный...
Гм., мастеръ, нечего сказать,
Горячій уголь загребать
Чужой рукой!»

XV.

Угрюмъ и проченъ
Пучкова домъ. На кровлѣ тесъ
Зеленой плесенью поросъ.
Желѣзомъ на-крестъ заколоченъ
Закрытый ставень кладовой.
Косматый сторожъ, песъ цѣпной
Лежитъ въ конурѣ у забора,
Амбары въ сторонѣ стоятъ,
Ихъ двери крѣпкія отъ вора
Замки тяжелые хранятъ.
Безлюдно въ комнатахъ просторныхъ
(Хозяинъ не имѣлъ дѣтей
И рѣдко принималъ гостей),
Висятъ картинки въ рамкахъ черныхъ,
Пыль на полахъ и по столамъ
И паутина по угламъ.
Но спальня, съ желтыми стѣнами,
Свѣтла, опрятно убрана,

Весь уголъ занятъ образами,
Лэмпадка вѣчно зажжена,
Кровать накрыта простынею
И полонъ шкапъ церковныхъ книгъ;
Иныхъ терпѣть не могъ старикъ
И называлъ ихъ чепухою,
Потѣхой праздныхъ болтуновъ,
Соблазномъ молодыхъ головъ.

Въ суровой школѣ горькой нужды
Пучковъ съ ребячества окрѣпъ.
Его отецъ былъ старъ и слѣпъ,
И сынъ, изнѣженности чуждый,
Переносилъ морозъ и зной,
Шатаясь по міру съ сумой.
Порой калѣкой притворялся,
За крендель колесомъ катался,
И на крестѣ всегда берегъ
Съ казной холстинный кошелекъ.
Одинъ купецъ, старикъ бѣздѣтный,
Полубольной и безотвѣтный
Его за бойкость полюбилъ,
Одѣлъ и въ лавку посадилъ.
Пріемышъ росъ, добру учился,
Поклоненъ, раствороненъ, тихъ,
За дѣломъ въ лавкѣ не лѣнился,
А ночью *Житія Святыхъ*
Читалъ хозяину отъ скуки.
Святыхъ мужей слова и муки —
Все помнилъ, но изъ чудныхъ строкъ,

Увы! урока не извлекъ!
Читалъ, читалъ — и за услугу
Купца ограбилъ наконецъ.
Не вынесъ бѣдный мой купецъ:
И пилъ и плакалъ, спился съ кругу,
И ночью, пьяный и больной,
Застылъ средь улицы зимой.
Чужаго золота наслѣдникъ,
Пучковъ себя не уронилъ.
Глядѣлъ смиренниковъ и былъ
О чести строгой проповѣдникъ.
Не кушалъ рыбы по постамъ,
Молился долго по ночамъ,
На церковь подавалъ грошами,
Передъ нетлѣнными мощами
Большія свѣчи зажигалъ,
Но плутовства не покидалъ.
И странно! плутъ не лицемѣрилъ:
Онъ искренно въ святыню вѣрилъ,
Да! совѣсть надо очищать!
Что дѣлать! страшно умирать!
Пучковъ объ адѣ начитался...
И какъ же онъ чертей боялся!
На полчаса вздремнуть не могъ,
Три раза «Да воскреснетъ Богъ»
Не повторивъ. Теперь, угрюмый,
Въ очкахъ, псалтирь читалъ онъ вслухъ,
Но врагъ добра, лукавый духъ,
Мутилъ его святыя думы,
И вдругъ — съ духовной высоты
На рынокъ, полный суеты,

Ихъ низводилъ.
Лукичъ явился.
Передъ Пучковымъ извинился,
Я, молъ, читать вамъ помѣшалъ
И полъ вотъ грязью замаралъ...
Хозяинъ поглядѣлъ пытливо
На гостя, поднялся лѣниво,
Бумажкой книгу заложилъ,
Зѣвнулъ, молитву сотворилъ —
И отвѣчалъ: «Да, дождь сегодня.
Все хорошо: все власть Господня...
Ты здѣшній?»
— Здѣшній мѣщанинъ.
Не угадали?.. Карпъ Лукинъ.
И рѣчь повелъ онъ стороною,
Я, молъ, извѣстенъ вамъ давно
И позабыть меня грѣшно,
Служилъ какъ надобно... Нуждою
Теперь убитъ. Имѣю дочь...
И разсказалъ Лукичъ въ чемъ дѣло.
«Гм., жаль, что не могу помочь!
Мое богатство улетѣло,
Какъ дымъ въ трубу. Все разошлось
По добрымъ людямъ. Да авось
Промаюсь... Старъ... гляжу въ могилу...
И время! Господи помилуй!»
—Нельзя ли, сударь, пожалѣть?
Вы сомнѣваетесь, извѣстно...
Вотъ образъ — заплачу вамъ честно!
Безъ покаянья умереть,

Коли солгу!
«За чѣмъ божиться?»
— Да тошно! Кажется, готовъ
Сквозь землю лучше провалиться,
Чѣмъ эдакъ вотъ изъ пуктяковъ
Просить и мучиться напрасно!
«Охъ, милый, вѣрить-то опасно!»
И тонко намекнулъ купецъ,
Обманъ, молъ, всюду; всякъ — хитрецъ:
Наскажетъ много, правды мало...
Да! время тяжкое настало!
Не мудрено взаемъ-то дать,
Но каково-то получать!

Напрасно тѣломъ и душою
Лукичъ божился, умолялъ,
Въ закладъ домишко предлагалъ...
Кремень-купецъ махнулъ рукою:
«Эхъ, ну тебя! закладъ не тотъ!
Твой домъ не каменный! нейдетъ!»
— Несытая твоя утроба!
Ну, стало, голову мнѣ снять
И подъ закладъ тебѣ отдать?
Вѣдь ты вотъ-вотъ подъ крышку гроба!..
Кому казну-то ты копишь?
«Опомнись! съ кѣмъ ты говоришь?»
— Съ тобою, старый песъ! съ тобою!
Ты вмѣстѣ воровалъ со мною!
Клади мнѣ денежки на столъ!
Дѣлись! я вотъ зачѣмъ пришелъ!

«И ты мнѣ могъ! и ты мнѣ смѣешь!..»
— Кто? я-то?.. Ты не подходи
И въ грѣхъ, къ примѣру, не вводи,
Убью! вотъ тутъ и околѣешь!

Пучковъ оцѣпенѣлъ. Нѣмой
Стоялъ онъ съ поднятой рукой,
Огнемъ глаза его сверкали,
И губы синія дрожали.
Лукичъ захохоталъ. — Ну что жь!
Ударь, попробуй! что жь не бьешь?
«Вонъ извергъ!»
— Не бранись со мною!
Я выйду честью! не шуми!
Не то я... прахъ тебя возьми!..
Не стоишь правда... Богъ съ тобою.

Пучковъ стоналъ. Онъ гадокъ былъ:
Безсильный гнѣвъ его душилъ.
— Прощай! садись опять за книги,
Копи казну, надѣнь вериги,
Все, значитъ, о душѣ печаль...
А жаль тебя! ей-Богу жаль!

«Нѣтъ, не дождаться мнѣ помоги!»
Грустилъ дорогою бѣднякъ:
«Не вѣрятъ мнѣ. Я — голь! кулакъ!
Вотъ и ходи, считай пороги,

И гнись, и гибни ни за что,
На то, молъ, голь! кулакъ на то!
Гм, да! упрекъ-то вѣдь забавный!
Эхъ, ты — народецъ православный!
Не честь тебѣ лежачихъ бить,
Безъ шапки сильныхъ обходить!
Кулакъ... да мало ль ихъ на свѣтѣ?
Кулакъ катается въ каретѣ,
Изъ грязи да въ князья ползетъ
И кровь изъ бѣднаго сосетъ...
Кулакъ во фракѣ, въ полушубкѣ,
И съ золотымъ шитьемъ, и въ юбкѣ —
Гдѣ и не думаешь — онъ тутъ!
Не мелочь, не грошовый плутъ,
Не намъ чета, — подниметъ плечи,
Прикрикнетъ, — не найдешь и рѣчи,
Рубашку сниметъ, — все молчи!
Господь суди васъ, палачи!
А ты, къ примѣру, въ горькой долѣ
На грошъ обманешь по-неволѣ —
Тебя согнутъ въ бараній рогъ:
Бранятъ, и бьютъ-то, и смѣются...
Набей карманы, — видитъ Богъ,
Въ пріятели всѣ назовутся!
Будь воромъ — скажутъ: не порокъ!
Вотъ гадость! тьфу!»
И шагъ широкой
Старикъ съ досады ускорилъ.
Но вдругъ его остановилъ
Стукъ рамы. Смотритъ — домъ высокой,
Съ кудрявымъ вензелемъ балконъ

Густой сиренью окруженъ.
Заклятый врагъ ученыхъ споровъ,
Его жилецъ, профессоръ Зоровъ
Съ сигарой подъ окномъ стоялъ
И старика рукою звалъ.

XVI.

Ученой бурсы отпечатокъ
Невольно Зоровъ сохранилъ:
Зналъ букву, глубже не ходилъ.
Былъ въ разговорахъ простъ и кратокъ
И словомъ *вотъ* ихъ украшалъ;
Безъ нужды кашлялъ. Богъ создалъ
Его не злымъ, но... впрочемъ — мимо:
Подъ-часъ молчать необходимо...
Деньжонки славно наживалъ.

Лукичъ былъ встрѣченъ благосклонно,
Обласканъ — и немудрено:
У старика, тому давно,
Мальчишка, труженикъ безсонной,
Путь тяжкій Зоровъ начиналъ —
Латинью умъ свой притуплялъ.
Плоды науки не пропали,
Бѣднякъ Лукичъ дивился имъ.
Мальчишка выросъ. Передъ нимъ

Теперь просители стояли:
Священникъ, старичокъ больной,
И дьяконъ тучный и рябой.

Священникъ кланялся. Съ досадой
Ученый мужъ рукой махалъ:
— Вашъ сынъ дуракъ! Вотъ и пропалъ...
И выгнали... хмъ, такъ и надо:
Зазнался.

Священникъ.

Въ чемъ же? Ради Бога,
Скажите! Онъ изъ лучшихъ былъ.

Профессоръ.

А вотъ: воротнички носилъ,
Да возраженій дѣлалъ много
Наставникамъ; я, молъ, уменъ,
Въ журналы, въ чтенье погруженъ,
Исчерпалъ мудрость всю!..

(Священникъ хочетъ возразить.)

Молчите!
Замѣтили, — онъ ничего:
Все то жь! Понизили его!..

(Священникъ снова хочетъ возразить.)

Хмъ, погодите! погодите!..
Понизили по спискамъ, — онъ того
Ученьемъ занялся небрежно...
Ну вотъ за это исключенъ!

Священникъ.

Онъ молодъ. Онъ былъ оскорбленъ...
Сперва учился онъ прилежно.

Профессоръ.

По насъ хоть звѣзды онъ хватай!
Будь скроменъ! носъ не подымай!
Онъ кто? Воспитанникъ духовной —
Вотъ помни! Бойкость не нужна!
А свѣтскость вздоръ, она вредна!
Сказалъ наставникъ, — безусловно
И вѣрь! вы думаете какъ?
На это власть!

Священникъ.

Извѣстно такъ.
Прошу васъ, сжальтесь! два-три слова
Сказать вамъ стоитъ — примутъ снова...
Позвольте мнѣ наединѣ
Вамъ объяснить.

Профессоръ.

Не время мнѣ!
А впрочемъ, если вы хотите,
Пожалуй... вотъ сюда подите.

И за ученымъ мужемъ вслѣдъ.
Вошелъ проситель въ кабинетъ.
О чемъ они тамъ толковали,
Однѣ нѣмыя стѣны знали.
Дверь отворилась наконецъ,
Священникъ просто былъ мертвецъ,
Такъ блѣденъ! «Вы побойтесь Бога...
Я бъ больше... бѣдность... негдѣ взять...»
— Хмъ. Полно, полно толковать!
Ученый мужъ замѣтилъ строго.

Несчастный попъ махнулъ рукой,
И дверь захлопнулъ за собой
Съ проклятьемъ. Зоровъ улыбнулся:
«Хорошъ! А попъ!... Что нужно вамъ?
И къ дьякону онъ обернулся.
—Да вотъ-съ, по разнымъ клеветамъ,
Мой сынъ... замѣтило начальство,
Что якобы онъ любитъ пьянство...
«Дубковъ?»
— Да-съ.
«Знаю я его!
Исключатъ. Больше ничего.
— За что же? Можетъ-быть, ошибкой,
Не то что выпилъ, пошалилъ...
И рѣчь проситель измѣнилъ
Такъ странно, что Лукичъ съ улыбкой
Подумалъ: круто своротилъ!
Хитеръ!
— Я слышалъ стороною,
Что вы нуждаетесь въ конѣ...
Такъ все равно-съ. Позвольте мнѣ...
Продамъ охотно. — И съ божбою
Плечистый дьяконъ увѣрялъ:
— Конь добрый! я на немъ пахалъ!
«Взглянуть, пожалуй, не мѣшаетъ.
Вы приведите-ка его...
Не наровистъ онъ?»
— Ничего.
Узду, случается, скидаетъ:
Извѣстно, наши батраки
Лѣнтяи или дураки,

Какой присмотръ!

«Хмъ. Знаю, знаю!
Пусть поисправится вашъ сынъ.
Вы вотъ-что, я предупреждаю,
Вѣдь я зависимъ... не одинъ...
Тутъ нужно...»

—Какъ же-съ! Понимаю!
И тучный дьяконъ вышелъ вонъ,
Отдавъ почтительный поклонъ.

Профессоръ.

Ну что, Лукичъ, не надоѣло
Стоять, да слушать? Извини...

Лукичъ.

Помилуйте!

Профессоръ.

Вотъ мы одни...
Садись.

Лукичъ *(садится).*

Вы звали. Вѣрно дѣло...

Профессоръ.

Хмъ, я коня хотѣлъ купить,
Раздумалъ. Надо погодить.

Лукичъ *(лукаво улыбаясь).*

Такъ-съ.

Профессоръ.

Хорошо ли поживаешь?

Лукичъ.

По старому-съ! и такъ и сякъ.

Профессоръ.

Ну, а бываетъ, выпиваешь?

Лукичъ.

Ни капли! что я за дуракъ!
Да какъ живете вы отлично!
Полы подъ лакомъ, хоть глядись,
Диваны, кресла...

Профессоръ *(смѣется)*.

Хмъ. Прилично...
Нельзя, деньжонки завелись!

Лукичъ *(вздыхая)*.

Да-съ! Вы попали на дорогу.
И правда, что ученье свѣтъ:
Поитъ и кормитъ... Я вотъ сѣдъ,
И все дуракъ!... Бѣда, ей-Богу!
Тутъ бѣдность...

Профессоръ.

Ты бы мнѣ сказалъ.
Ты знаешь, я не скупъ; я бъ далъ.

Лукичъ.

Сказалъ бы, сударь... какъ-то стыдно!

Профессоръ.

Хмъ, вотъ пустякъ! забылъ ты, видно,
Какъ у тебя я въ домѣ жилъ,
Уроки-то въ саду училъ!

Лукичъ

(смотритъ на дипломъ профессора).

Я все гляжу, спросить не смѣю,
На этотъ листъ... вотъ-съ на стѣнѣ...

Профессоръ

(самодовольно смѣется).

Прочти.

Лукичъ.

Нѣтъ, сударь, не съумѣю.
Написано-то не при мнѣ.

Профессоръ.

Вотъ слушай: *(встаетъ и читаетъ.)*

Ecclesiaticæ Academiæ conventus
pro potestate sibi concessa
Dominum Zorov.

. . . . . .

Magistrum sanctiorum humaniorumque litterarum solenni hoc diplomate declarat honoremque ei ac privillegia concessa, decrevisse ac contulisse publice testatur.

Понялъ?

Лукичъ

(съ улыбкою почесывая затылокъ).

Хоть бы слово!
Кого Господь-то умудритъ!
Гм, диво! Вижу, въ рамкѣ новой
Съ большой печатью листъ виситъ —
И только. Правда, что наука!

Профессоръ *(смѣется).*

Вотъ то-то! Въ ней-то вся и штука!

Лукичъ *(переминаясь).*

—А что бы васъ я попросилъ...
И тутъ старикъ заговорилъ
О свадьбѣ Саши, о заемѣ,
О закладной на домъ, о домѣ —
И на лицѣ своемъ потомъ

Горячій потъ отеръ платкомъ,
Вздохнулъ и низко поклонился.
Ученый мужъ не отвѣчалъ,
Въ раздумьи медленно шагалъ
И кашлялъ — вдругъ остановился.
«Ты вотъ что, ты отдашь мнѣ въ срокъ?»
— Не выйди я за вашъ порогъ!...
«Изволь! сегодня я разстроенъ:
Дѣлъ пропасть...»
— Значитъ до утра?
Такъ я въ надеждѣ.
«Будь покоенъ!
Я дамъ.»
А! сынъ пономаря!...
Изъ грязи вышелъ — не забылся!
Лукичъ подумалъ — и простился.

XVII.

Все рѣшено. Осталась ночь.
Заря надъ лѣсомъ догорала,
По желтымъ жнивьямъ тѣнь бѣжала.
Увы! измученная дочь
День свадьбы грустно ожидала,
Въ послѣднiй разъ теперь рыдала
Въ объятьяхъ матери, — и мать
Ее не смѣла утѣшать.
Онѣ другъ друга понимали,
Что̀ впереди, о томъ молчали,
А горе прожитыхъ годовъ
Такъ было живо, что безъ словъ
Душа рвалась и въ мукахъ ныла.
Но эти муки дочь таила,
Нѣма съ отцомъ своимъ была,
Межь ними пропасть вдругъ легла
И Сашу на вѣкъ отдѣлила
Отъ старика... и тѣмъ больнѣй

Была тоска послѣднихъ дней,
Тяжеле рядъ ночей безсонныхъ,
Невѣстой въ пыткѣ проведенныхъ!...

И вотъ пиръ свадебный умолкъ.
Утихъ о немъ сосѣдей толкъ,
Угомонились пересуды,
Средь улицъ гости не поютъ,
Не пляшутъ, и въ домахъ посуды
Подъ пѣсни пьяныя не бьютъ.
Арина вдругъ осиротѣла.
Груститъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Чуть скрипнетъ дверь, — она вздрогнетъ,
И слушаетъ, и Сашу ждетъ.
Безъ Саши горенка скучнѣе,
И время кажется длиннѣе,
И котъ не веселъ: спитъ въ углу,
Не поиграетъ на полу
Клубкомъ старушки. Чуть смеркаетъ,
Она калитку запираетъ,
И съ робостью обходитъ дворъ —
Не притаился ли гдѣ воръ,
И мужа ждетъ, и спицамъ снова
Въ ея рукахъ покоя нѣтъ...
Едва покажется разсвѣтъ,
Работа прежняя готова;
Старушкѣ не съ кѣмъ говорить,
Тоски и грусти раздѣлить:
Рѣчь мужа, какъ всегда, сурова...

Но Саша блѣдная придетъ,
Арина такъ и обовьетъ
Ее руками! «Ахъ, родная!
Здорова ли? Присядь, присядь!
Здорова ль?» повторяетъ мать,
Съ улыбкой слезы утирая:
«Легко ль! недѣлю не была!
Ужь я тебя ждала, ждала!
Ну какъ живешь?» И осторожно
О всякой мелочи ничтожной
Ее разспроситъ. «Ты смотри,
Ты не таись, молъ, говори...
Все хорошо? Ну слава Богу!»
И въ лавочку черезъ дорогу
Съ копѣйкой трудовой спѣшитъ
И Сашу чаемъ угоститъ.
Свой садъ старушка позабыла:
Мать столяра ей досадила
Упрекомъ, бранью каждый день
Черезъ изломанный плетень:
—Здорово, другъ! въ саду гуляешь?
Хозяйка! яблоки считаешь?
Ты не пускай къ намъ куръ на дворъ,
Поймаю, — прямо подъ топоръ!
Арина головой качала
И ничего не отвѣчала.
Она не зла, молъ... это такъ;
Всему причина — Сашинъ бракъ.

Лукичъ на рынкѣ ежедневно
Встрѣчался съ зятемъ. Всякій вздоръ
Входилъ въ ихъ длинный разговоръ,
Оканчиваясь непремѣнно
Разумнымъ толкомъ о дѣлахъ:
О добротѣ хлѣбовъ въ поляхъ,
О томъ, что мужички умнѣютъ,
Не такъ легко въ обманъ идутъ,
Что краснорядцы богатѣютъ:
За рубль по гривнѣ отдаютъ...
Лукичъ смѣялся: «просто — чудо!
Глупа ты, матушка Москва!
Всѣмъ вѣришь!» — этимъ и жива.
Не ошибется... А не худо
Того-съ. . Зять добрый замѣчалъ
И тестя къ чаю приглашалъ.

Онъ, видно, мнѣ не довѣряетъ,
Тесть думалъ: право не поймешь...
И чаемъ вдоволь угощаетъ,
И льститъ, — а толку ни на грошъ.
Я говорю, къ примѣру, буду
Тебѣ въ торговлѣ помогать,
Чужихъ равно, молъ, нанимать...
— Извольте-съ! я васъ не забуду.
У насъ торговый оборотъ
Зимою-съ... вотъ зима придетъ.
Посмотримъ какъ зима настанетъ...
Ну, если онъ меня обманетъ,

И я останусь въ дуракахъ,
Безъ дома, съ сумкой на плечахъ?
За что же такъ? Дитя родное
Принудилъ. Самъ теперь въ долгу...
Нѣтъ, это черезчуръ! пустое!
Нельзя! и думать не могу!

XVIII.

Настала осень. Скученъ городъ.
Дожди, туманы, рѣзкій холодъ,
Ночь черная и сѣрый день —
И по нуждѣ покинуть лѣнь
Свой теплый уголъ. Вечерами
Вороны, галки надъ садами
Кричатъ, сбираясь на ночлегъ.
Порой, нежданный, мокрый снѣгъ
Кружится, кровли покрываетъ,
Къ лицу и платью пристаетъ,
И снова мелкій дождь пойдетъ
И вѣтеръ свистомъ досаждаетъ.
Куда ни глянешь — ручейки,
Да грязь и лужи. Окна плачутъ,
И морщась, пѣшеходы прячутъ
Свои носы въ воротники.

Лукичъ съ досадой молчаливой
Поглядывалъ нетерпѣливо

На небо, снѣга поджидалъ
И непогоду проклиналъ.
На рынкѣ нечѣмъ поживиться:
Дороги плохи, нѣтъ крестьянъ;
Ходи, глотай сырой туманъ,
Пришлось хоть воздухомъ кормиться!
На зло кулакъ-молокососъ
Надъ нимъ трунитъ: «Повѣсилъ носъ!
Неволя по грязи шататься!
Не молодъ, время отдохнуть
И честнымъ промысломъ заняться!
Сидѣлъ бы съ чашкой гдѣ-нибудь...»
Сертукъ въ дирахъ, сквозь крышу льется,
Въ окошки дуетъ, печь худа,
На что ни взглянешь, сердце рвется,
Хоть умереть, такъ не бѣда!

Дождь каплетъ. Темными клоками,
Рѣдѣя, облака летятъ.
Вороны на плетнѣ сидятъ,
Такъ мокры, жалки! Подъ ногами
Листы поблеклые шумятъ.
Садъ тихъ. Деревья почернѣли,
Стыдясь невольной наготы,
Въ туманѣ прячутся кусты;
Грачей пустыя колыбели
Качаетъ вѣтеръ, и мертва
Къ землѣ припадшая трава.

Лукичъ стоитъ подъ старой ивой,
Въ рукѣ топоръ, въ глазахъ печаль.

Пришлось бѣднягѣ на топливо
Рубить деревья, — крѣпко жаль,
Да надо: все дровамъ замѣна,
Ихъ въ цѣломъ домѣ ни полѣна...
И засучилъ онъ рукава.
Что жь выбрать? Эти дерева
Своей рукой отецъ покойный
Ему на память посадилъ,
Подъ этой ивой онъ любилъ
Вздремнуть на травкѣ въ полдень знойный...
«Эхъ-ма! нужда!» Топоръ стучитъ,
Съ плетня вороны улетаютъ,
А щепки воздухъ разсѣкаютъ —
И ива, падая, скрипитъ.

Старушка печку затопила,
Лукичъ на коникѣ прилегъ.
«О чемъ грустишь? жена спросила.
— Такъ, что-то мочи нѣтъ, продрогъ.
«Что зять-то? какъ?»
— Смотри за щами,
Въ мужское дѣло не входи!
«О-охъ, не ошибись, гляди!
Домъ заложилъ... что̀ будетъ съ нами,
Когда не выкупимъ?»
— Опять!
Нельзя, къ примѣру, помолчать?

Дверь отворилась — и горбатый,
Въ халатѣ, съ палкой суковатой,
Длиннобородый мужичокъ

Сказалъ съ поклономъ: «Встань, дружокъ!
Хозяинъ умный, тороватый!
Явился гость,—и ты не радъ,
И я, соколъ, невиноватъ.»
— Мы погодя побалагуримъ.
Ты кто? Зачѣмъ?
«Да встань-ко, встань!
Не погоняй! кнута не любимъ...
Теперь — подушное достань.»
— Ты знать отъ старосты? Разсыльный?...
«Узналъ, сударикъ мой, узналъ!»
— Присядь: ты, кажется, усталъ...
Ну что сегодня?... Вѣтеръ сильный?
Я, знаешь, все въ избѣ сижу,
На дворъ, къ примѣру, не хожу,
Нога болитъ.
«Хэ-хэ! проказникъ!
Испилъ воды на свѣтлый праздникъ,
Болитъ съ похмѣлья голова...
Хитеръ на красныя слова!»
— Чего! ей-ей, болитъ! безъ шутокъ!
Вотъ видишь... Охъ! не наступлю!
«Хэ-хэ, сударикъ мой, люблю!
Нужда горька безъ прибаутокъ...
Достань-ко деньги-то, родной,
Инъ — къ старостѣ пойдемъ со мной.»
— Да я бы радъ! недугъ проклятый!
Какъ быть?
«Подушное платить!
Я вотъ, сударикъ, самъ-девятый
Живу — плачу!... не стать-тужить.

Шесть душъ дѣтей, жена седьмая,
Да я съ горбомъ... Пойдемъ, пойдемъ!
Какая тамъ нога больная!»
— Скажи, что дома не засталъ,
Изъ города, молъ, отлучился...
И въ кошелькѣ Лукичъ порылся,
Послѣдній гривенникъ досталъ.
«Хэ-хэ, сударикъ! маловато!»
— Ей-Богу больше гроша нѣтъ!
«Ну за тобою, дѣло свято...
Прощай покудова, мой свѣтъ!»

«Теперь на хлѣбъ добудь, гдѣ знаешь!»
Лукичъ подумалъ — и вздохнулъ,
И кошелекъ на столъ швырнулъ.
«Не радъ хромать, да захромаешь!
Попробуй-ка пожить вотъ-такъ...
А вѣдь кричатъ: кулакъ! кулакъ!...

XIX.

Вотъ и зима. Трещатъ морозы.
На солнцѣ искрится снѣжокъ.
Пошли съ товарами обозы
По Руси вдоль и поперекъ.
Ползетъ, скрыпитъ дубовый полозъ,
Рѣка ли, степь ли, — нѣтъ нужды:
Вездѣ проложатся слѣды!
На мужичкѣ бѣлѣетъ волосъ,
Но веселъ онъ; идетъ-кряхтитъ,
Казну на холодѣ копитъ.

Кому путекъ, кому дорога —
Аринѣ дома дѣла много!
Вставая съ раннею зарей,
Она ходила за водой;
Порой бѣлье чужое мыла,
Дескать, работа не порокъ,
Все будетъ хлѣбушка кусокъ;

Порою и дрова рубила,
Когда Лукичъ на печкѣ спалъ,
Похмѣлье храпомъ выгонялъ;
Отъ стужи кашляла, терпѣла
И напослѣдокъ заболѣла.
Лежитъ недѣлю — легче нѣтъ;
Уста спеклись, все тѣло ноетъ;
Едва глаза она закроетъ,
Живьемъ изъ мрака прежнихъ лѣтъ
Встаютъ забытыя видѣнья...
Вотъ вспомнилась съ грозою ночь:
Въ густомъ саду шумятъ деревья,
Изъ теплой колыбели дочь
Головку въ страхѣ поднимаетъ
И громко плачетъ и дрожитъ,
А мужъ неистово кричитъ
И стулъ, шатаясь, разбиваетъ...
Вдругъ тихо. Вотъ ея сынокъ,
Малютка, убранный цвѣтами,
Покоится подъ образами;
Блеститъ въ лампадѣ огонекъ,
Въ углу кадильница дымится,
Столъ бѣлой скатертью накрытъ,
Подъ кисеей младенецъ спитъ,
Она отъ вѣтра шевелится,
А солнце въ горенку глядитъ,
На трупѣ весело играя...
И мечется въ жару больная,
Въ ушахъ звенитъ, въ глазахъ темно,
Изъ глазъ ручьями слезы льются,
Межъ тѣмъ какъ съ улицы въ окно

Къ ней звуки музыки несутся, —
Тамъ, свадьбу празднуя, идетъ
Съ разгульнымъ крикомъ пьяный сбродъ...
Въ борьбѣ съ мучительнымъ недугомъ,
Смотря безсмысленно кругомъ,
Старушка встанетъ, и потомъ,
Вся потрясенная испугомъ,
Со стономъ снова упадетъ,
И дочь въ безпамятствѣ зоветъ.

Лукичъ измучился съ больною:
Самъ кой-какъ печку затоплялъ
И непривычною рукою
Себѣ обѣдъ приготовлялъ.
Спѣшилъ на рынокъ, съ рынка снова
Жену провѣдать приходилъ,
Малиной теплою поилъ:
Вспотѣешь, будешь, молъ, здорова, —
И снова домъ свой покидалъ,
Куска насущнаго искалъ.

Вотъ входитъ Саша. Мать больная,
Кряхтя, ей дѣлаетъ упрекъ:
«Ты рѣдко ходишь, мой дружокъ,
Я умираю, дорогая...
Охъ, тошно! такъ и давитъ грудь!
Хоть бы на солнышко взглянуть,
Все снѣгъ, да снѣгъ!...»
— Я къ вамъ хотѣла
Вчера придти, да то дѣла,

То гости... Саша солгала;
Свекровь ей просто не велѣла,
Не приказалъ и мужъ: авось
Еще, молъ, свидишься небось!
Старушка ложь подозрѣвала,
По голосу ее узнала,
А голосъ Саши грустенъ былъ!
«Дитя мое! я... Богъ судилъ...
Дай руку!... дай, моя родная!
Такъ... крѣпче жми!... ну вотъ теперь
Легко...» И плакала больная,
Рыдала дочь. Безъ шума въ двер
Входила смерть.

Былъ темный вечеръ.
Порывистый, холодный вѣтеръ
Въ трубѣ печально завывалъ.
Лукичъ встревоженный стоялъ
У ногъ Арины. Дочь глядѣла
На умирающую мать;
И все сильнѣй, сильнѣй блѣднѣла.
Старушка стала умолкать
И постепенно холодѣла,
И содроганье ногъ и рукъ,
Послѣдній знакъ тяжелыхъ мукъ,
Ослабѣвали. Вдругъ, рыдая,
Упала на колѣни дочь:
«Благослови меня, родная!»
— Отецъ твой... нищій... ты помочь
Ему... нашъ домъ... и рѣчь осталась
Не конченной — и тихій стонъ

Смѣнилъ слова. Но вотъ и онъ
Умолкъ. Развязка приближалась.
Въ тоскѣ подъятая рука,
Какъ плеть, упала. Грудь слегка
Приподнялась и опустилась,
Дыханье рѣже становилось,
Взоръ неподвижный угасалъ,
По тѣлу трепетъ пробѣжалъ —
И стихло всё... Не умолкалъ
Лишь бури вой.
«Одинъ остался!
Одинъ какъ перстъ!» Лукичъ сказалъ,
Закрылъ лицо — и зарыдалъ.

Уснуло доброе созданье!
Жизнь кончена. И какъ она
Была печальна и бѣдна!
Стряпня и вѣчное вязанье,
Забота въ домѣ приглядѣть,
Да съ голоду не умереть,
На пьянство мужа тайный ропотъ,
Порой побои отъ него,
Про бытъ чужой несмѣлый шопотъ,
Да слезы... больше ничего.
И эта мелочь мозгъ сушила
И человѣка въ гробъ свела!
Страшна ты роковая сила
Нужды и мелочнаго зла!
Какъ громъ, ты не убьешь мгновенно,
Войдешь ты — полъ не заскрипитъ,

А душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ!

Съ разсвѣтомъ буря замолчала.
Арина на столѣ лежала.
Въ лампадѣ огонекъ сіялъ;
Онъ какъ-то странно освѣщалъ
Лицо покойницы-старушки
И неподвижной и нѣмой,
И бѣлые углы подушки,
Прижатой мертвой головой.
Убитый горемъ и тоскою,
Передъ иконою святою
Лукичъ всю ночь псалтырь читалъ.
Унылъ и тихъ его былъ голосъ,
Отъ страха жосткій, черный волосъ
На головѣ не разъ вставалъ.
Казалось, строго и сурово
Глядѣла блѣдная жена;
Раба доселѣ, съ жизнью новой
Вдругъ измѣнилася она —
Свою печаль припоминала
И мужу казнью угрожала...
Старикъ внимательнѣй читалъ,
И ничего не понималъ.
Всѣ буквы, мнилось, оживали,
Плясали, разбѣгались вдругъ...
При оборотѣ издавали
Листы какой-то чудный звукъ...

Межъ тѣмъ сосѣдки понемногу

Набились въ горенку. Однѣ
Вздыхали и молились Богу,
Другія въ грустной тишинѣ
Съ тяжелой думою стояли,
Иль объ усопшей толковали,
Что вотъ-де каковы дѣла —
Жила, жила, — да умерла!
Мать столяра въ углу стояла,
Съ кумой любимою шептала:
«Вѣдь на покойницѣ платокъ,
Что тряпка... ай-да муженекъ!
Убралъ жену, кулакъ проклятый!
О платьѣ и не говорю —
Я вчужѣ отъ стыда горю:
Съ заплатой, кажется, съ заплатой!..
А дочь слезинки не прольетъ...
Вотъ срамъ-то! инда зло беретъ!
Ахъ, я тебѣ и не сказала!
Она за сына моего
Хотѣла выйдти... каково?
Да я-то шишъ ей показала!
И мать-то, помянуть не тѣмъ,
Глупа была, глупа совсѣмъ!»

Сосѣдки вышли. Сталъ совѣта
Отецъ у дочери просить:
«Ну, Саша! мать вотъ не отпѣта,
Гдѣ деньги? чѣмъ мнѣ хоронить?»
— Мой мужъ поможетъ. Попросите
Здѣсь посидѣть кого-нибудь

И вслѣдъ за мною приходите.
«Да! надо, надо шею гнуть!
И подѣломъ мнѣ! охъ, какъ стòю!»
И крѣпко жилистой рукою,
Остановя на трупѣ взоръ,
Свой блѣдный лобъ старикъ потеръ.

XX.

Румянъ, плечистъ, причесанъ гладко,
Тарасъ Петровичъ за тетрадкой
Въ рубашкѣ розовой сидѣлъ,
На цифры барышей глядѣлъ
И улыбался. Подъ рукою
Сіяли проволоки щотъ;
Зеленый плющъ надъ головою
Висѣлъ съ окна. Полна заботъ,
За чаемъ Саша хлопотала.
Пѣлъ пѣсни свѣтлый самоваръ;
Въ лежанкѣ загребенный жаръ
Краснѣлъ; струей перебѣгало
По углямъ полымя. И вдругъ
Часы издали странный звукъ,
Шипѣли долго и лѣниво
И, съ пятнышками вмѣсто глазъ,
Кукушка сѣрая тоскливо
Прокуковала восемь разъ.

Лукичъ вошелъ — и сердце сжалось
У Саши. Жалокъ былъ отецъ!
Оборванъ, блѣденъ... грусть, казалось,
Его убила наконецъ.
Едва старикъ перекрестился,
Румяный зять его вскочилъ
И сожалѣнье изъявилъ,
Что доброй тещи онъ лишился,
«Мнѣ, молъ, жена передала...
Святая женщина была!»
— Вотъ надо справить погребенье...
Нѣтъ гроба... сдѣлай одолженье —
Дай помочь!
«Отъ добра не прочь.
Зачѣмъ родному не помочь?..
Гм., жаль! я думаю простуда?»
— Богъ знаетъ что, да умерла.
«Я полагаю-съ смерть пришла...
Вотъ выпейте чайку покуда.»
— Благодарю! Не до того.
«Напрасно-съ! это не мѣшаетъ:
Онъ эдакъ грудь разогрѣваетъ...»
— Да я не зябну. Ничего ..
Не позабудь, къ примѣру, въ горѣ!
«Вотъ ключь позвольте отыскать...
Я много не могу вамъ дать,
Не то что .. да-съ! Нѣтъ денегъ въ сборѣ.»
— Не добивай! Я такъ убитъ!
«О томъ никто не говоритъ.
На счетъ того-съ... оно, конечно,
Родню позабывать грѣшно,

Да вѣдь грѣшно и жить безпечно,
Да-съ! поскользнетесь неравно!
На васъ вотъ тулупишко рваный,
Изъ сапоговъ носки глядятъ,
А вы намедни были пьяны...
Выходитъ, кто же виноватъ?»
— Охъ, знаю, другъ мой! Все я знаю!
Вѣдь пьетъ неволя иногда!
Ты думаешь, мнѣ нѣтъ стыда,
Что плутовствомъ я промышляю,
Хитрю, ѣмъ хлѣбъ чужой, какъ воръ?
«Разсчетъ въ торговлѣ не укоръ...
Все это пустяки — и только,
На печкѣ хочется лежать!
На рынкѣ горько промышлять,
Ну-съ, а просить теперь — не горько?»
— Вѣстимо... еслибы ты зналъ!
Осмѣянъ всѣми, обнищалъ,
Тутъ совѣсть не даетъ покою...
Зять! Не пусти меня съ сумою!
Дай мнѣ подъ старость отдохнуть!
Поставь меня на честный путь!
Дай дѣло мнѣ! Господь порука—
Не буду пить и плутовать!
«Привыкли-съ. Трудно перестать!
Вотъ, значитъ, вамъ впередъ наука...
На похороны помогу,
Насчетъ другаго-съ—не могу.»
— И съ бородою посѣдѣлой
Опять мнѣ грабить мужичковъ?
Пойми ты, доброе ли дѣло!

Не ужто воръ я изъ воровъ!
Зять! Богомъ, значитъ, умоляю,
Подумай! Выручи!
«Опять!
Охота вамъ слова терять!
Нельзя-съ! По чести завѣряю...
Рубль серебра, извольте, дамъ.»
—Такъ я, выходитъ, по домамъ
На тѣло мертвое сбираю...
Ну есть ли стыдъ въ тебѣ и честь?
Вѣдь я не нищій! я твой тесть!
Вѣдь я прошу не подаянья—
Взаёмъ! Ты слышишь, или нѣтъ?
«А я даю изъ состраданья,
Не то что... да-съ! И мой совѣтъ
Не надо брезгать.»
Саша встала.
Негодованія полна,
Казалось, выросла она
И мужу съ твердостью сказала:
«Я свой салопъ отдамъ въ закладъ—
И мать похороню!»
—Чудесно-съ!
Гм, дочка нѣжная... извѣстно-съ...
Хэ, хэ! Бываетъ — не велятъ!
«Ну, если такъ, найду другое...
Вотъ обручальное кольцо...»
И Саши блѣдное лицо
Покрылось краскою.
—Пустое!

Не смѣешь, значитъ!
«Саша! Саша!
Оставь! схоронимъ какъ-нибудь!»
Сказалъ отецъ.
«Нѣтъ, воля ваша!
Ужь у меня изныла грудь
Отъ этой жизни!... я молчала...
Онъ мягко стелетъ, жестко спать...
Пусть бьетъ! я не хочу скрывать!
Больною мать моя лежала,
Я мать провѣдать не могла!
Боится — столяра увижу...»
— Столяръ мнѣ что̀? молва была...
Онъ плутъ! плутовъ я ненавижу.
Мужъ хоть и лыкомъ сшитъ, — люби,
Да знай стряпню, да не груби,
На то жена!
«О, будь увѣренъ,
Я буду стряпать и молчать!
Но подъ замкомъ себя держать
Я не позволю!»
— Не намѣренъ...
Нельзя-съ! законная жена...
А мужа ты любить должна —
Вотъ только!
Саша улыбнулась.
Мужъ отъ улыбки поблѣднѣлъ,
Но вмигъ собою овладѣлъ.
— Все вздоръ! изъ пустяковъ надулась!
Объ этомъ мы поговоримъ
Наединѣ-съ... А вотъ роднымъ

Поможемъ. Нужно — и дадимъ.
Держите, батенька, Богъ съ вами!

Тесть молча подаянье взялъ —
И точно память потерялъ:
Пошевелилъ слегка губами,
На зятя кинулъ мутный взоръ
И крупный потъ на лбу отёръ.
— А вамъ пора за умъ приняться!
Прибавилъ зять: вы нашъ родной,
Не съ поля вихорь, не чужой.
А съ пьянымъ нечего мнѣ знаться!

Старикъ съ поклономъ вышелъ вонъ.
О чемъ-то, бѣдный, думалъ онъ?
Но вѣрно думою печальной
Былъ возмущенъ: на рынокъ шелъ —
И, Богъ вѣсть почему забрелъ
Въ какой-то переулокъ дальной,
Опомнившись, взглянулъ кругомъ —
И зятя назвалъ подлецомъ.

—

Добычи рыночный остатокъ,
Давно Лукичъ рублей десятокъ
Въ жилетѣ плисовомъ берегъ.
Теперь вотъ зять ему помогъ,
На все достало, слава Богу!
Купилъ онъ ладону, свѣчей,
Изюму, меду, калачей,

Вина,— конечно понемногу;
Поденщиковъ приговорилъ
Могилу рыть и гробъ купилъ.
Принесъ его въ свою избушку,
Перекрестился, крышку снялъ.
На днѣ холстину разостлалъ,
Съ молитвой положилъ старушку,
Съ молитвою свѣчу зажегъ, —
И сѣлъ въ раздумьи въ уголокъ.
Курился ладонъ. Все молчало.
Играло солнце на стѣнѣ,
Бѣлѣлись свѣчи на окнѣ,
Стекло алмазами сверкало,
Старушка, мнилося, спала,
Такъ въ гробѣ хороша была!
«Вотъ, думалъ онъ, вотъ жизнь-то наша!
Недаромъ сказано, что цвѣтъ,
Ногою смялъ, — его и нѣтъ.
Умру и я, умретъ и Саша,
И ни одна душа потомъ
Меня не вспомнитъ... Боже, Боже!
А вѣдь и я трудился тоже,
Весь вѣкъ и худомъ и добромъ
Сбивалъ копѣйку. Зной и холодъ,
Насмѣшки, брань, укоры, голодъ,
Побои — все переносилъ!
Изъ-за чего? Ну что̀ скопилъ?
Тулупъ остался да рубаха,
А кралъ безъ совѣсти и страха!
Охъ, горе, горе! Вѣдь метла
Годится въ дѣло! что же я-то?

Что я-то сдѣлалъ кромѣ зла?
Вотъ свѣчи .. гробъ... гдѣ это взято?
Крестьянинъ, мужичекъ-бѣднякъ
На пашнѣ потомъ обливался
И продалъ рожь... а я, кулакъ,
Я, пьяница, не побоялся,
Не постыдился никого,
Какъ воръ безсовѣстный обмѣрилъ,
Ограбилъ, осмѣялъ его —
И смертной клятвою увѣрилъ,
Что я не плутъ!.. Все терпитъ Богъ!
Вотъ зять, какъ нищему, помогъ...
Въ глазахъ мутилось; сердце ныло, —
Я въ поясъ кланялся, просилъ!..
А вѣдь и я добро любилъ,
Оно вѣдь дорого мнѣ было!
И смѣлъ и молодъ, помню, разъ
Въ грозу и непогодь весною
Я утопающаго спасъ.
Когда онъ съ мокрой головою,
Нагой, на берегу лежалъ,
Открылъ глаза, пошевелился
И крѣпко руку мнѣ пожалъ...
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ
И радостно перекрестился!
И все пропало! Все забылъ!..»

И голову онъ опустилъ,
И, задушить его готова,
Вся мерзость прожитая снова,

Съ укоромъ грознымъ, передъ нимъ
Стояла призракомъ нѣмымъ.

Бѣднякъ, бѣднякъ! печальной доли
Тебя урокъ не вразумилъ!
Своихъ цѣпей ты не разбилъ,
Послушный рабъ безсильной воли!
Ты понималъ, что честный трудъ
И путь иной тебѣ возможенъ,
Что ты, добра живой сосудъ,
Несовершенно уничтоженъ;
Ты плакалъ и на помощь звалъ...
Подхваченный нужды волнами,
Въ послѣдній разъ взмахнулъ руками —
И въ грязномъ омутѣ пропалъ.

XXI.

Бѣгутъ часы, идутъ недѣли,
Чредѣ обычной нѣтъ конца!
Кричитъ младенецъ въ колыбели,
Несутъ въ могилу мертвеца.
Живи, трудись людское племя,
Вопросы мудрые рѣшай,
Сырую землю удобряй
Своею плотью!... Время, время!
Когда твоя устанетъ мочь?
Какъ страшный жерновъ день и ночь,
Вращаясь силою незримой,
Работаешь неудержимо
Ты въ Божьемъ мірѣ. Дѣла нѣтъ
Тебѣ до нашихъ слезъ и бѣдъ!
Ихъ доля — вѣчное забвенье!
Ты дашь широкій оборотъ —
И ляжетъ прахомъ поколѣнье,
Другое очереди ждетъ!

Прошло два года. Дымъ столбами
Идетъ изъ трубъ. Снѣгъ порошитъ.
Чуть солнце сквозь туманъ глядитъ,
Не грѣя блѣдными лучами.
Старушка добрая, зима
Покрыла шапками дома.
Заутра Рождество Святое.
Санями рынокъ запруженъ,
Торговлей шумной оживленъ.
Желудка рабъ, какъ все живое,
Народъ кишитъ вокругъ цыплятъ,
Гусей, свиней и поросятъ.

«Пошелъ налѣво!» торопливо
Скобѣевъ кучеру кричитъ
И палкой нищему грозитъ:
«Ты что присталъ?» Но вдругъ учтиво
Кивнулъ кому-то головой;
«Деревня Долбина за мной!
Съ торговъ!... поздравьте!» — Ой, пропала!
Ахъ, чтобъ вамъ не было добра!
Вотъ мужичье!... Мать столяра
Едва подъ лошадь не попала,
Къ горшкамъ съ кумою отошла,
Бесѣду снова повела:
— И говорю я это сыну:
«Оставь, молъ, ты свою кручину!»
Нѣтъ! Долго Сашу вспоминалъ!
И вотъ что было — запивалъ!
Теперь ни-ни! Взялся за дѣло...
Поди-ты, не женю никакъ,

Прошу, прошу, — такой дуракъ!
Вишь рано... Время не приспѣло...
Да вретъ онъ! это ничего!
Ужь уломаю я его!»

Вотъ и столяръ. Его походка
Размашиста. Тулупъ косматъ.
Пробилась русая бородка,
И веселъ соколиный взглядъ;
Лицо отъ холода краснѣетъ,
На кудряхъ иней. Впереди
Толпа зѣвакъ. Она густѣетъ.
Бѣднякъ-Лукичъ посереди.
Мужикъ съ курчавой бородою,
Взбѣшенный, жилистой рукою
Его за шиворотъ держалъ,
И больно билъ, и повторялъ:
«Вотъ эдакъ съ вами! эдакъ съ вами!»
Старикъ постукивалъ зубами,
Халатъ съ разорванной полой
Отъ вѣтра въ воздухѣ мотался,
И кровь на бородѣ сѣдой
Застыла каплями...
«Попался!
Кричалъ народъ: тряхни его!
Тряхни получше! Ничего!»
— Не бей по шапкѣ! Одурѣетъ!
«Не смѣетъ бить! На это судъ,
Расправа, значитъ... бить не смѣетъ!»
— Валяй! Тамъ послѣ разберутъ!

Но вдругъ столяръ рукою смѣлой
Толпу раздвинулъ. «Стой! за что?»
— А не обвѣшивай! за то...
Мужикъ отвѣтилъ: наше дѣло!
Я продалъ шерсть, а онъ того...
Обвѣсилъ — вонъ-що!
«Брось его!
Ты кто! Разбойникъ? Смѣешь драться?
Не знаешь — отдерутъ кнутомъ!
Чего ты, Карпъ Лукичъ? Пойдемъ!»
— Проваливай! Не станемъ гнаться!
Вотъ незамай, онъ покряхтитъ:
Въ бокахъ-то у него лежитъ!

«Эхъ, съ этимъ не дошло до драки!
Жалѣли, расходясь зѣваки:
А молодецъ куда-горячь!
И статенъ! То-то чай силачъ!»

«Сосѣдъ! Ну какъ тебѣ не стыдно!
Столяръ дорогой говорилъ:
Весь помертвѣлъ... лица не видно...
Что завтра? Вспомни!»
— Согрѣшилъ.
Обвѣсилъ... не во что одѣться...
Озябъ... и нечѣмъ разговѣться.
«А зять?...»
— Мошенникъ! Охъ продрогъ!
«Ну, Саша?»
— Саша помогаетъ...
Въ постели... кровью все перхаетъ...

Охъ, больно!... Заложило бокъ...
«Эхъ, Карпъ Лукичъ!»
— Молчи! я знаю!...
Сгубилъ я дочь свою, сгубилъ!
«Нѣтъ, я не то... не попрекаю.
Мнѣ жаль тебя: сосѣдомъ былъ...
Бѣдняга! Выгнали изъ дома...
Да ты идешь едва-едва,
Квартира гдѣ?»
— У Покрова.
Не топлена. Постель—солома.
Привыкъ, къ примѣру... Охъ продрогъ!
«Слышь, Карпъ Лукичъ! Ты не сердися...
Вотъ деньги есть. Не откажися,
Возьми на праздникъ. Видитъ Богъ,
Даю изъ дружества. Вѣдь хуже
Обманывать, дрожать на стужѣ...
Возьми, пожалуйста, сосѣдъ!
Ну хоть взаемъ... какъ знаешь!»
— Нѣтъ!
Я виноватъ передъ тобою:
Ты съ Сашей росъ...
«Оставь! пустякъ!
Угодно было Богу такъ.
Возьми! Ты, слышь, не спорь со мною:
Въ карманъ насильно положу,
Вотъ на!... и руки подержу.»
— Покинь! Мнѣ стыдно!
«Знаю, знаю!
А ты не вынимай назадъ:
Я что родному помогаю,

Не то что, значитъ... чѣмъ богатъ!
Утри-ко лучше кровь полою,
Неловко... Стой! Господь съ тобою!
Ты плачешь?»
— Ничего. Пройдетъ.
Я такъ. Озябъ... Вода течетъ...
Сегодня въ воровствѣ поймали,
Прибили... милостыню дали...
А дочь... проклятый зять! Прощай!
«Да брось его! не поминай!
Вотъ завтра праздникъ, дѣлъ-то мало,
Ты завернешь въ мой уголокъ,
Мы потолкуемъ, какъ бывало,
Ну, да! Присядемъ за пирогъ...
Ты просто приходи къ обѣду:
Равно!» И старому сосѣду
Онъ руку дружески пожалъ
И на прощаньи шапку снялъ.

Лукичъ съ разорванной полою
Побрелъ одинъ. Взглянулъ кругомъ —
Знакомыхъ нѣтъ; махнулъ рукою —
И завернулъ въ питейный домъ.

Прощай, Лукичъ! Не разъ съ тобою,
Когда мой домъ объятъ былъ сномъ,
Сидѣлъ я, грустный, за столомъ,
Подъ гнетомъ думъ, ночной порою!
И мнѣ по твоему пути
Пришлось бы, можетъ-быть, идти,
Но я избралъ иную долю....
Какъ узникъ, я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!
Во благо ль? Небесамъ извѣстно...
Но блага я просилъ у нихъ!
Не ради шутки, не отъ скуки
Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ —
Я воплощалъ боль сердца въ звуки!
Моей душѣ была близка
Вся грязь и бѣдность кулака!
Мой братъ! никто не содрогнется,
Теперь взглянувши на тебя!
Пройдетъ, быть-можетъ, посмѣется,
Потѣху пошлую любя...
Ты сгибъ. Но велика ль утрата?
Васъ много! Тысячи кругомъ,
Какъ ты, погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!
Придетъ ли наконецъ пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта;
Когда зародыши добра

На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ;
Когда минетъ проказа вѣка
И воцарится честный трудъ,
Когда увидимъ человѣка —
Добра божественный сосудъ?..

С.П.Б. Книжно-торговое Литейный пр. 45.
В. И. Клочковъ.
Продажа и покупка

LIBRARY OF CONGRESS
00025255033